

Круглый стол в ПДВ

Фактор Китая во взаимоотношениях РФ и США «Заочный» круглый стол российских и американских китаеведов

Впервые на страницах журнала российские и американские китаеведы дискутируют по проблемам взаимоотношений в «треугольнике» КНР—США—РФ.

Ключевые слова: Китай, США, Россия, «треугольная» дипломатия.

В феврале нынешнего года исполнилось 40 лет с момента визита президента США Р. Никсона в КНР, ставшего историческим не только по меркам того времени, но и с учетом последующего развития международных отношений и мировой политики.

Редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» выступили с инициативой проведения обмена мнениями между российскими и американскими китаеведами с целью оценки значения этого события, влияния его результатов на сегодняшнее состояние отношений в формате «США—КНР—РФ» и перспектив становления и совершенствования будущей мировой архитектуры.

Свои соображения по существу поставленных редакцией вопросов эксперты представили в письменном виде, что обусловило ее решение изложить их в форме т.н. «заочного» круглого стола. В обмене мнениями приняли участие:

С российской стороны:

- главный научный сотрудник ИДВ РАН, доктор военных наук А.В. БОЛЯТКО;
- ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока», кандидат исторических наук А.С. ДАВЫДОВ;
- профессор МГИМО (У) МИД РФ, кандидат исторических наук Ю.А. ДУБИНИН;
- заведующий отделом экономики журнала «Проблемы Дальнего Востока» А.С. КРУШИНСКИЙ;
- ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, кандидат филологических наук А.Г. ЛАРИН;
- старший научный сотрудник ИДВ РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посол В.И. ТРИФОНОВ;
- ведущий научный сотрудник Института США и Канады (ИСК) РАН, кандидат исторических наук С.М. ТРУШ.

С американской стороны:

- профессор Гарвардского университета Эзра ВОГЕЛЬ;
- профессор Школы международных отношений им. Сэма Нанна Технологического университета Джорджии Джон ГАРВЕР;

- профессор Университета Беркли (Калифорния) Лоуэлл ДИТТМЕР;
- профессор Университета Майами Джун ДРЕЙЕР;
- профессор Стэнфордского университета и Гуверовского института Эллис МИЛЛЕР;
- доцент факультета политических наук Университета провинции Чжэцзян (Ханчжоу, КНР) Грегори МУР.

За неоценимую помощь в организации «круглого стола» редакция выражает особую благодарность и признательность доктору исторических наук, профессору А.В. ПАНЦОВУ, обеспечившему установление контактов с американскими коллегами и передачу их материалов в редакцию ПДВ, и заведующему Отделом международного научного сотрудничества и внешних связей ИДВ Т.А. КАРГАНОВОЙ, осуществившей перевод англоязычных текстов на русский язык.

Надеемся, что этот, первый для нашего журнала опыт научного взаимодействия китаеведов России и США будет подкреплен последующими шагами ученых обеих стран в целях расширения и углубления взаимовыгодного партнерства и сотрудничества.

*Главный редактор ПДВ,
доктор экономических наук,
профессор В. ПОРТЯКОВ*

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

А. Разрядка в отношениях СССР и США и американо-китайское сближение в 1970-е гг.

1. Причины появления «китайского фактора» в отношениях СССР и США на рубеже 1970-х гг.

Ю. ДУБИНИН. На рубеже 1960-х—1970-х гг. биполярная структура мира претерпевала серьезные изменения. Наблюдалось относительное ослабление — по разным причинам — мощи сверхдержав.

США все глубже втягивались в войну во Вьетнаме, что отвлекало огромные материальные средства, сопровождалось значительными людскими потерями, вызывало в мире и в самой Америке острую критику ее политики. Непопулярность вьетнамской войны в американском обществе была настолько велика, что президент Л. Джонсон принял решение не выставлять свою кандидатуру на выборах 1968 г.

СССР, в свою очередь, был сосредоточен на решении внутренних политических и экономических проблем. В экономике страны все более весомое место занимал военно-промышленный комплекс, ударными темпами выполняя поставленные задачи выравнивания военно-стратегического паритета с США. Косвенным свидетельством того, что в других отраслях промышленности и в сельском хозяйстве дела не очень ладились, стали решения ЦК КПСС 1965–1966 гг. о реформе системы управления экономикой. В политике после снятия Н.С. Хрущева были сделаны попытки восстановить коллегиальность руководства страной и наладить испорченные прежним лидером отношения с КНР.

В эти условиях наряду с бесспорными глобальными лидерами — США и СССР — в мире начали формироваться новые региональные центры силы и влияния. В их число входили объединенные в “общий рынок” страны Западной Европы (Европейское экономическое сообщество — ЕЭС), Япония и Китай. Ни один из них в то время еще не обладал характеристиками глобального центра силы, однако рост их мощи, несо-

мненно, заставлял принимать эти центры в расчет при планировании глобальных политических процессов.

Усиливающийся внешнеполитический потенциал первых двух обеспечивался растущими политическими амбициями, опиравшимися на их стремительно увеличивавшиеся экономические возможности, и проявлялся в их стремлении занять более равноправные позиции во взаимоотношениях со своим главным союзником — США. С этой целью западноевропейские лидеры пытались самостоятельно налаживать отношения с соседями на востоке Европы, что в дальнейшем трансформировалось в политику разрядки на европейском континенте. Япония, в свою очередь, небезуспешно добивалась от Вашингтона восстановления национального административного контроля над островами архипелагов Огасавара (Бонин) и Окинава (Рюкю), а также прорабатывала идеи создания “тихоокеанского сообщества”, где могла бы занять место, подобающее ее экономическому потенциалу.

Что касается Китайской Народной Республики, ее руководители также стремились всемерно повысить статус страны в международных делах. Однако в отличие от Западной Европы и Японии ресурсная база КНР была значительно более ограниченной, поскольку экономика страны, еще не восстановившись после разрушительных последствий “большого скачка”, вновь страдала от развернувшейся во второй половине 1960-х гг. “великой пролетарской культурной революции”.

Руководители Китая усмотрели свои конкурентные преимущества в выдвижении претензий на лидерство в левачьих группировках стран Запада и национально-освободительных движениях Азии, Африки и Латинской Америки, всерьез оспаривая традиционно прочные позиции КПСС и СССР, восходящие еще ко временам Коминтерна. В этих целях руководители КПК прибегли к абсолютизации опыта народной войны в Китае, попыткам ее теоретического обобщения и экстраполяции на глобальную сферу в виде концепции “окружения мирового города мировой деревней”.

Публикация статьи Линь Бяо «Да здравствует победа народной войны!», ее широкое распространение в развивающихся странах и среди левачьих группировок по всему миру стали серьезной заявкой на лидерство КПК в мировом революционном процессе. Свидетельством того, что эта идеология приобретала определенное влияние даже в развитых странах Запада, стали события 1968 г. во Франции, образование многочисленных левозэкстремистских групп в государствах Западной Европы (“красные бригады”, “красная армия” и др.). “Маленькие красные книжечки” цитат Мао Цзэдуна, распространявшиеся миллионными тиражами на различных языках, становились весьма популярными в рядах левых движений различных стран мира.

Теоретические изыскания лидеров КПК получили дальнейшее развитие в годы “культурной революции” и выразились в становлении доктрины “трех миров”, что предполагало готовность тогдашних руководителей КНР “вести непримиримую борьбу против империализма и социал-империализма”. Иными словами, теория и практика тогдашнего руководства КНР демонстрировали позиции жесткого противостояния Советскому Союзу. Интенсивное раскручивание антисоветской кампании в годы “культурной революции”, апофеозом которого стали вооруженные конфликты на советско-китайской границе в марте и августе 1969 г., сигнализировало всему миру об окончательном разрыве между тогдашними лидерами КНР и СССР. Совершенно очевидно, что пограничные столкновения были именно сигналом, а не прелюдией большого конфликта, поскольку уже в сентябре 1969 г. китайские руководители дали согласие на проведение переговоров в пекинском аэропорту с Председателем Совета Министров СССР А.Н. Косыгиным, целью которых являлось достижение договоренностей о недопущении новых вооруженных инцидентов между двумя странами.

Отмеченные выше полицентрические тенденции, которые начали проявляться в биполярной структуре мира в конце 1960-х—начале 1970-х гг., натолкнули руководите-

лей двух сверхдержав на размышления о том, каким образом эти тенденции могли бы быть использованы в целях компенсации относительного ослабления собственных позиций в мире и для достижения стратегического преимущества в «холодной войне». И в СССР, и в США аналитики пришли к пониманию того, что система международных отношений стала значительно более сложной, при том, что существовавший десятилетиями биполярный мир приобретает элементы многополярности. Советские руководители заявили об этом в отчетном докладе ЦК XXIV съезду КПСС, выдвинув тезис о появлении «трех центров империалистической силы» и «межимпериалистических противоречий»¹. Несколько раньше на возникновение пятиполярного мира обратил внимание Г. Киссинджер, указавший на то, что наряду с США и СССР в мире выросли такие глобальные игроки, как Западная Европа, Япония и Китай².

СССР пытался активно сыграть на «межимпериалистических противоречиях», продвигая идею коллективной безопасности в Европе. При этом советское руководство принимало во внимание заинтересованность ряда европейских лидеров в достижении большей свободы внешнеполитического маневра в жестких рамках западной блоковой системы и расширении торгово-экономических связей с Советским Союзом и государствами Восточной Европы. В середине 1960-х гг. Москва начала налаживать особые отношения с правительством Шарля де Голля, который весьма критично отзывался о развязанной американцами войне в Индокитае, а также вывел Францию из военных структур НАТО. Ближе к концу того же десятилетия руководство СССР приняло к сведению и поддержало объявленную коалиционным правительством социал-демократов и свободных демократов «новую восточную политику» ФРГ, направленную на урегулирование проблем в Европе, унаследованных после Второй мировой войны, и признание сложившихся послевоенных границ, а также его отказ от планов приобретения ядерного оружия.

Хотя такая политика приводила к некоторому размыванию единства Запада, она все же не имела фундаментальных последствий. Связи западного мира имели для Бонны и Парижа более существенное значение, чем те преходящие выгоды, которые они могли бы получить от серьезного развития тесных связей с СССР. Гораздо более серьезное воздействие на геостратегическую расстановку сил оказала коррекция политики США на китайском направлении.

Первые шаги навстречу КНР начала делать еще администрация Л. Джонсона, заявляя о своем стремлении к «мирному сотрудничеству» и «примирению между нациями, долгие годы считавшими себя врагами». На переговорах послов в Варшаве в 1966 г. американские дипломаты впервые употребили официальное название КНР, заявив о стремлении к развитию отношений с Китаем. Однако какому-либо существенному сдвигу в подходах Вашингтона к КНР мешали растущая военная вовлеченность США в дела Индокитая, а также сложившиеся стереотипы восприятия происходившей во Вьетнаме борьбы за объединение страны как следствия китайской коммунистической экспансии.

Реальные шаги во взаимной игре по использованию американо-китайского сближения для укрепления позиций каждого из его участников в противостоянии СССР Вашингтон и Пекин смогли сделать только в начале 1970-х гг. при администрации Р. Никсона. Выбор момента был предопределен совпадением внешнеполитических факторов, а также спецификой внутривосточной динамики событий в США и КНР.

Во внешнеполитической сфере США столкнулись с трудностями обеспечения почетного выхода из вьетнамской войны, завершить которую Р. Никсон обещал во время предвыборной кампании 1968 г. Вьетнамские представители на переговорах в Париже непреклонно добивались безоговорочного вывода американских войск из Южного Вьет-

1. См.: XXIV: Документы и материалы. М., 1971.

2. Kissinger H. American foreign policy; three essays. New York, 1969.

нама и прекращения бомбардировок ДРВ, тогда как американцы стремились оговорить продолжение своей поддержки сайгонского режима. Полагая, что за жесткостью вьетнамских позиций стоят обещания со стороны КНР, Вашингтон считал, что диалог с Пекином позволит ему ослабить китайско-вьетнамский союз. С точки зрения американской внутренней политики Р. Никсон идеально подходил для осуществления прорыва в американо-китайских отношениях. Его репутация антикоммуниста, работавшего два срока в качестве вице-президента с Д. Эйзенхауэром, не подвергалась ни малейшему сомнению. Именно такой президент мог без оглядки сделать решительный шаг навстречу “коммунистическому Китаю”.

Китайские руководители, похоже, в тот момент всерьез опасались перспектив эскалации напряженности в китайско-советских отношениях (которая, в первую очередь, была вызвана их собственными авантюристическими действиями) и стремились заручиться благожелательным отношением со стороны США. Что же касается внутренней ситуации в китайском руководстве, то устранив всех своих политических конкурентов в ходе многочисленных чисток и особенно разгромив структуры КПК в годы “культурной революции”, Мао Цзэдун превратился в непререкаемого лидера, который мог себе позволить любые политические зигзаги.

Первые шаги по китайско-американскому сближению оказались не очень впечатляющими и результативными. Так, американская политическая элита оставила без внимания намеки, сделанные Мао Цзэдуном в 1965 г. в интервью Э. Сноу — журналисту и писателю, который был знаком с Мао еще со времен Яньани. В нем он высказал сожаление о том, что “силы истории разделили китайский и американский народы”¹ (Сноу считали в Вашингтоне слишком подверженным влиянию китайской коммунистической пропаганды). На призыв в инаугурационной речи Р. Никсона “открыть линии связи” в Пекине ответили двояко: с одной стороны, пресса впервые после образования КНР опубликовала речь американского президента, с другой — сопровождала публикацию стандартной жесткой критикой. Очевидно, что китайское руководство размышляло над тем, как использовать древнюю китайскую стратегию “бороться с ближними варварами в союзе с варварами отдаленными”.

Далее события развивались по нарастающей. Вслед за встречами послов КНР и США в Варшаве (февраль—март 1970 г.), которые не дали каких-либо практических результатов, Вашингтон взял инициативу в свои руки. В ходе своих зарубежных турне летом того же года Р. Никсон просил руководителей Румынии и Пакистана сообщить китайским лидерам о желании США вступить в диалог с КНР на высоком уровне. Прошло несколько месяцев, прежде чем в Вашингтоне получили через Исламабад согласие Чжоу Эньлая принять в Пекине представителя США для обсуждения вопросов “освобождения китайских территорий, оккупированных иностранными войсками”. В послании подчеркивалось, что китайская сторона ответила только потому, что сообщение было “направлено Главой государства Главе государства через Главу государства”. Характерно, что ни в этом послании, ни в другом, доставленном месяц спустя через Румынию, ни словом не упоминались американские военные действия во Вьетнаме как препятствие на пути начала китайско-американского диалога. США немедленно ответили согласием, предложив включить в повестку дня встречи “широкий круг проблем”, существовавших между двумя странами.

Три месяца спустя начался публичный процесс того, что позднее было названо “пинг-понговой дипломатией”. Вместо ответа на послание Вашингтона по установленным каналам Пекин пригласил американскую команду по настольному теннису, прие-

1. Snow E. Interview with Mao, *The New Republic* 152, no. 9, issue 2623 (February 27, 1965); см. также интервью Мао Цзэдуна Э. Сноу в октябре 1970 г., которое также осталось без внимания властей: Snow E. *A Conversation with Mao Tse-Nung*; // *Life*. 1971. 30 Apr., № 16.

хавшую на чемпионат мира в Японию, посетить КНР. Ее приняли там на самом высоком уровне, тем самым сигнализируя американской стороне, что китайские руководители сами будут определять темп и форму контактов с Америкой. Тем не менее, китайская сторона, выдержав паузу, не отвергла и идею прямых переговоров. В июле 1971 г. состоялась тайная поездка советника президента США по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджера в Пекин, по результатам которой было объявлено, что в начале 1972 г. американский президент нанесет визит в КНР.

Сам факт начала прямых контактов на высшем уровне между руководителями двух государств, до этого находившихся в состоянии резкой взаимной враждебности, да еще в отсутствие дипломатических отношений, обозначил фундаментальный поворотный момент в миропорядке эпохи холодной войны — поворот к практике “баланса сил” и многополярной дипломатии. США сделали попытку перестроить существовавший в биполярном мире международный порядок как по существу, так и по форме.

По существу американо-китайские контакты выстраивались вокруг достигнутого во время визита Р. Никсона в КНР в феврале 1972 г. взаимопонимания по двум принципиальным моментам. Прежде всего, американская администрация получила от Пекина обещание на самом высоком уровне о том, что китайские вооруженные силы не собираются воевать за пределами территории Китая. Тем самым руководители КНР по сути дали обязательство обеспечить беспроблемную реализацию «доктрины Никсона», заверив США, что они не собираются повторять во Вьетнаме сценарий войны на Корейском полуострове 1950–1953 гг. Другими существенными договоренностями стали готовность лидеров двух государств обеспечивать сохранение статус-кво в западной части Тихого океана и восприятие ими обоими политики Советского Союза как серьезной угрозы этому. В результате — хотя СССР и не был прямо назван в документе — в «Шанхайском коммюнике» появилось заявление о том, что ни КНР, ни США не стремятся к гегемонии в Азии и бассейне Тихого океана, и что каждая из сторон выступает против попыток любой третьей страны или группы государств к достижению подобной гегемонии. Это заявление, разумеется, ни в коей мере не свидетельствовало о возникновении китайско-американского союза, однако вполне определенно указывало на одинаково понимаемую угрозу своим интересам обеими сторонами. На протяжении десятилетия такой подход определял смысл и основное содержание китайско-американских отношений.

Достигнутое взаимопонимание по вышеупомянутым позициям позволило обеим сторонам найти взаимоприемлемый подход к проблеме, которая более 20 лет являлась источником острейших противоречий и враждебности в отношениях между КНР и США, — вопросу о принадлежности Тайваня. Еще на пути в КНР Р. Никсон, размышляя над вопросом о будущих отношениях США с Пекином и Тайбэем, обращал внимание своих помощников на то, что постепенно отношения с правительством КНР будут вытеснять в американской политике отношения с режимом на Тайване. Зафиксированная в «Шанхайском коммюнике» позиция США по Тайваню, а именно то, что Вашингтон принимал во внимание, что и Пекин, и Тайбэй полагали, что существует один Китай, а Тайвань рассматривали как часть Китая, говорила о готовности США к существенным подвижкам в своих подходах к отношениям с КНР. Вместе с тем, Соединенные Штаты выражали заинтересованность в мирном разрешении тайваньской проблемы. Этот подход США к тайваньскому вопросу с тех пор практически не претерпел существенных изменений и позволял Вашингтону в меняющихся обстоятельствах гибко корректировать свой курс. Пекин, со своей стороны, давал понять, что при достижении принципиального понимания по вопросу о принадлежности Тайваня сроки объединения двух частей страны не являются для него существенно важным вопросом.

Д. ГАРВЕР. Китайско-американское сближение в 1971–1972 гг. в значительной степени ознаменовало возрождение традиционной политики США в отношении Китая.

Еще в конце XIX—начале XX вв. американцы полагали, что у США сложились с Китаем особые отношения дружественного сотрудничества — причем как с Цинской империей, так и с Китайской Республикой. В представлении многих американцев Америка отличалась от европейских стран и Японии тем, что не захватывала китайские территории и не стремилась создавать сферы своего исключительного влияния, которые подрывали бы административную целостность Китая. Многие американцы считали, что их страна может послужить моделью для развития Китая. Хотя в таких воззрениях была изрядная доля романтизма, они способствовали формированию целого ряда политических мер и подходов со стороны США. К таковым, в частности, следует отнести ноты о политике «открытых дверей»; освобождение от контрибуций за ущерб, нанесенный «боксерским восстанием»; содействие участию Китая в политике великих держав с его почти одновременным вступлением на стороне союзников в Первую мировую войну; поддержку Китая в антияпонской борьбе в 1930-е и 1940-е гг., а также поддержку Китая в качестве участника «большой пятерки», «жандарма Восточной Азии» (включая возврат «украденных» у него территорий,) и постоянного члена обновленного Совета Безопасности ООН. На мой взгляд, основу такого «традиционного» стремления США к партнерским отношениям с Китаем составляли два краеугольных камня: во первых, глубокое уважение к достоинствам китайской цивилизации (зачастую воспринимаемым в интерпретации протестантских миссионеров, посылавших отчеты в свои «родные церкви» в США), и, во вторых, оценка потенциальной мощи Китая, позволявшая рассматривать его как фактор, который можно использовать для противодействия могущественным соперникам США — изначально имперской Японии, а затем СССР. Как это часто случается, американский подход являл собой сплав идеалистической морали и расчетов с позиции грубой силы.

В конце 1948 г. перед лицом суровой реальности, суть которой заключалась в приближении решающей победы сил КПК в гражданской войне, лидеры США решили варьировать традиционную американскую политику в отношении Китая — то есть постараться оторвать коммунистический Китай от СССР и переманить его на свою сторону. В значительной степени исходя из жесткой конфронтации между социалистическим и либеральным лагерями, которые уже прочно утвердились в Европе, руководство США пришло к выводу, что главный геополитический интерес Америки заключался в ограничении влияния Советского Союза на Дальнем Востоке и что наилучшим средством для достижения этой цели был бы «отрыв» коммунистического Китая от СССР. За этим последовала серия таких политических акций США, как отмежевание от остатков правительства националистов и «развод» с Тайванем; публикация «Белой книги» с документальными свидетельствами широко распространенной коррупции и бездарности Гоминьдана; приказ американским консулам в Китае оставаться на посту и стараться наладить практическую работу с новыми коммунистическими властями; определение нового «периметра обороны», за пределами которого остались Тайвань и Южная Корея, и сигналы о возможности оказания экономической помощи коммунистическому Китаю, если он будет готов ее принять. Предпосылкой к такому подходу служила убежденность в том, что конфликты между Китаем (даже коммунистическим Китаем) и СССР — особенно в Маньчжурии и Синьцзяне — намного глубже, чем конфликты между Китаем и США.

Лидеры КПК, зная о заявке США, отвергли ее как попытку расколоть лагерь социализма и революции. Проводимая Трумэн и Ачесоном политика заигрывания с «гитовскими» настроениями в Китае вызвала резкое осуждение в США, особенно в Конгрессе и в СМИ, где ее клеймили с позиций яркого антикоммунизма как «политику умиротворения» и даже как «предательство». Трумэну пришлось принять меры, чтобы успокоить столь энергичную оппозицию. Однако главные (перечисленные в предыдущем абзаце) элементы его политики были преданы гласности, и в заявлениях КПК прослеживалась осведомленность о предложении, сделанном со стороны США.

В итоге руководство КПК отвергло предложение США в пользу полного политического и военного союза с СССР, который обещал “немедленно оказать военную и иную помощь всеми имеющими средствами”. Дополнительные соглашения к договору о “союзе и взаимопомощи” позволяли использовать Маньчжурию как плацдарм для советской военной мощи в случае войны с США. Затем новый альянс КНР и СССР стал “опорной базой” в развязанной Северной Кореей войне за установление власти коммунистов на Юге, а также в войне за замену колониального правления Франции в Индокитае (и в остальной Азии) коммунистическим правлением. Расчеты, заложенные в основе этих решений, становятся более понятными, если принять во внимание, что руководство КПК верило в марксистско-ленинскую идеологию, а советская модель рассматривалась им как наилучшее средство для превращения Китая в могущественную и влиятельную державу.

К 1969 г. в расчетах Мао произошли изменения, чему способствовали многие факторы. В 1956 г. Мао развернул полемику в международном коммунистическом движении, направленную против “ошибок” Хрущева. С того момента, как Хрущев по своему решил “вопрос о Сталине”, Мао уверился в том, что этот советский руководитель повел мировое коммунистическое движение по неверному пути. Мао исходил из ленинского постулата о том, что “верный анализ” есть ключ к историческому успеху, и чем больше он задумывался о руководстве Хрущева, тем больше его “ошибок” становились для него очевидными. Разворачивая полемику против “ревизионизма” КПСС, КПК опиралась на ту посылку, что спор между братскими партиями в рамках международного коммунистического движения не повредит “межгосударственным” отношениям между КНР и СССР. Мао не сумел понять, что контроль над международным коммунистическим движением (в рядах которого к 1960 г. насчитывалось более 100 правящих и “неправящих” партий) служил для СССР одним из главных инструментов государственной мощи, и что основа советского контроля над ним заключалась в способности определять его “генеральную линию”. Подрывая полномочия Москвы на определение этой “генеральной линии”, развернутая Мао Цзэдуном полемика фактически подрывала глобальное могущество советского государства.

Необходимость быть кратким не дает возможности проследить связь между межпартийной полемикой и столкновениями на китайско-советской границе в 1969 г. Достаточно лишь отметить, что к тому моменту китайское руководство считало, что опасность нападения СССР на Китай значительно превышает опасность нападения со стороны США. Более того, установление связей с США, как полагало китайское руководство, могло бы помочь в сдерживании советского нападения. Никсон и Киссинджер, со своей стороны, были убеждены, что улучшение отношений с Китаем позволит Вашингтону получить нужные рычаги в отношениях с СССР, а также с Северным Вьетнамом.

Последний фактор, который способствовал китайско-американскому сближению, состоит в том, что Мао уверовал в теорию реставрации капитализма в Советском Союзе. Мао был убежденным революционером, преданным идеям Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Как отмечалось выше, Мао считал, что он гораздо лучше понимает сформулированные ими принципы, чем Хрущев или другие советские руководители. Поскольку один из ключевых принципов марксизма-ленинизма — превосходство социализма над капитализмом, то подсознательно Мао Цзэдуну было крайне трудно пойти на объединение с капиталистическими США против социалистического СССР. Мао преодолел этот барьер подсознания, сделав вывод, что СССР переродился из социалистической в капиталистическую страну. Будучи капиталистическим государством, СССР демонстрировал все признаки империализма, свойственные капиталистическим странам — угрозы и запугивания, стремление к господству, агрессивность. Именно эти признаки, по мнению Мао, были характерны для советской политики в отношении Китая, начиная с конца 1950-х гг. Переквалифицировав СССР в “капиталистическое” и “социал-

империалистическое” государство, Мао сообразовал объединение с США против СССР со своей истинной приверженностью марксистско-ленинской идеологии. С тех пор сближение с США стало для Мао средством конъюнктурных манипуляций противоречиями между двумя империалистическими державами.

А. ДАВЫДОВ. В конце февраля 1972 г. произошло событие знакового характера, имевшее последствия не только для того периода, но для развития мировой истории и международной политики на долгую перспективу.

Поездка тогдашнего президента США Р. Никсона в КНР, его встреча с Мао Цзэдуном и подписание знаменитого «Шанхайского коммюнике» обозначили начало формирования в мире иной по сравнению с прошлым геополитической реальности: блоковому противостоянию пришла на смену система «баланса сил». Это было подтверждено три месяца спустя визитом американского лидера в Москву, который неформально закрепил возникновение в рамках существовавшей системы международных отношений новой геостратегической фигуры — «треугольника» США—КНР—СССР, сразу ставшего одним из наиболее существенных факторов регулирования этого баланса. Идеологическая конфронтация начала постепенно отходить на второй план, все явственнее уступая место борьбе национальных интересов.

Хотя, строго говоря, первоначальные контуры будущего «треугольника» стали прорисовываться во второй половине 1940-х гг., еще до образования КНР, когда США искали для себя в Китае «точку опоры», а Сталин до определенного момента лавировал между Гоминьданом и КПК. То, что идеологические соображения окончательно перевесили геополитические, стало ясно позднее — в период войны в Корее.

Борьба между КПСС и КПК за лидерство в международном коммунистическом движении, развернувшаяся в начале 1960-х гг., послужила Америке импульсом к возобновлению поисков выгодных геополитических комбинаций для реализации собственных стратегических целей.

По утверждению некоторых аналитиков, именно февраль 1972 г. стал отправной точкой процесса распада биполярной системы мира, завершившегося прекращением существования СССР. Все это, однако, хотя и значимые, но косвенные последствия того знаменательного визита. Его прямым результатом было начало нормализации отношений между двумя крупнейшими мировыми державами — США и Китаем. С тех пор и поныне эти отношения сохраняют определяющее влияние на состояние мирового политического и экономического климата.

А тогда, в условиях близившегося поражения во Вьетнаме и внутрисполитического кризиса Америки, проявлявшегося в мощных протестных акциях, радикализации движения за гражданские права, громких политических убийствах М.Л. Кинга и Р.Ф. Кеннеди — что в совокупности поставило американское общество на грань раскола — налаживание контактов с еще недавно враждебным Китаем, который, в свою очередь, довел до состояния вооруженного конфликта отношения со своим прежним союзником — СССР, открывало перед США возможность поиска более пристойного выхода из тяжелой ситуации, в которой они оказались.

По замыслу «главного архитектора» новой китайской политики Вашингтона Г. Киссинджера, нормализация отношений и сближение с КНР давали в руки американцам беспроблемный козырь и в противостоянии главному стратегическому сопернику — СССР, заставляя его быть более сговорчивым и уступчивым. «Китайский фактор» становился по существу дополнительным рычагом давления на Советский Союз, к тому же ограничивавшим и умалявшим эффект т.н. «доктрины Брежнева». Не отказываясь в процессе разрядки от углубления и развития американо-советских отношений, Никсон исходил из того, что позиции США в их двустороннем диалоге будут прочнее, если Вашингтон укрепит свои китайские тылы.

Г. МУР. Существует некая основная версия возникновения “китайского фактора” в отношениях между СССР и США на пороге 1970-х гг. Суть ее состоит в следующем. После “освобождения” (или, как сказали бы некоторые, “захвата”) страны в 1949 г. Китай “выбрал одну из сторон” (то есть, сторону СССР и мирового социализма). Однако к концу 1960-х гг. советско-китайские отношения ухудшились настолько, что на границе двух стран в районе китайской провинции Хэйлунцзян между ними произошло несколько вооруженных столкновений (фактически, это была мини-война). По мере ухудшения советско-китайских отношений Китай стал рассматривать возможность налаживания отношений с США в качестве балансирующей меры против СССР. К началу 1970-х гг. США были готовы к такому повороту, поскольку для достойного ухода из Вьетнама им требовалась помощь Китая (на оказание которой Китай дал согласие), и поскольку в США также оценили возможности китайско-американского сближения в качестве противовеса Советскому Союзу. Произошел обмен секретными посланиями, состоялись тайные встречи, стороны «ударил по рукам», после чего президент Ричард Никсон и его советник по национальной безопасности Генри Киссинджер проследовали в Пекин для заключения революционного соглашения о балансе сил.

Мне, однако, представляется более убедительной другая версия, которую «раскручивает» Элистер Ян Джонстон¹. Излагаемые реалистами истории о балансе сил, определяемом материальными соображениями, одна из которых представлена в предыдущем абзаце, не объясняют сути происшедшего сдвига, ибо то, что произошло между Китаем и Советским Союзом, не означало какого-то изменения потенциалов или баланса сил, в чем пытаются убедить нас реалисты. Скорее, это был сдвиг в политике Китая по отношению к СССР, и произошел он вследствие того, что поведение СССР на границе с Китаем, вторжение в Чехословакию и «доктрина Брежнева» генерировали в Пекине восприятие Советского Союза как самой серьезной угрозы для КНР. В то же время не отмечалось ни впечатляющего роста советского потенциала, ни резкого сокращения потенциала США (в той степени, чтобы объединение с США против более могущественного государства выглядело, с точки зрения реалистов, логичным). На деле, в то время именно США являлись господствующей военной державой в мире и в Восточной Азии, и поэтому создание, по логике реалистов, «баланса с США против СССР» не имело материального и стратегического смысла. “Изменились восприятия угрозы, в то время как распределение потенциалов оставалось, по сути, постоянной величиной”². Восприятие угрозы — это воображаемая переменная величина, и именно изменения в восприятии угрозы, а не сдвиги в материальных потенциалах наилучшим образом объясняют, почему в 1970-х гг. Китай перешел к “негласному альянсу” (определение Киссинджера) с США.

А. КРУШИНСКИЙ. 40 лет назад Никсон и Киссинджер сделали, пожалуй, самый блистательный шаг в истории американской дипломатии, а благодаря последовавшей волне дипломатических признаний странами Запада и допуску на законное место в ООН — весьма выгодный и для КНР.

Свершившаяся геополитическая подвижка по праву трактуется в США как *«поворотный момент в мировой истории»*³, хотя мнение, будто КНР именно с того момента заняла «достойное место в мире», сомнительно.

1. Johnston A.I., International Structures and Chinese Foreign Policy. Kim S.S. China and the World. 4-th ed., 1998.

2. Ibid. P. 67.

3. КоэнУ.И. Никсон в Китае (Поворотный момент в мировой истории). URL: <http://www.america.gov/st/peacesec-russian/2008/August/20080814154536 WRybak-cuHO.5987971.html>.

Вес мировой державы был присущ КНР с момента ее образования в 1949 г., и китайско-американские отношения — вне зависимости от их формы и содержания — изначально были геополитически значимы. То, что Китай примкнул к советскому лагерю, твердо противостоял Соединенным Штатам в Корее, Тайваньском проливе, Тибете, можно отнести к числу причин, воспрепятствовавших «ястребам» США реализовать их план «Double Star» — атомную бомбардировку 30 советских городов в момент, когда СССР ядерным арсеналом еще не обзавелся.

Мировая архитектура была биполярной, причем к идеологически спящему содружеству СССР, КНР, стран Восточной Европы тяготело «движение неприсоединения» под лидерством Индии, возглавлявшейся Джавахарлалом Неру. Но феномены «треугольника» и «треугольной дипломатии» (предполагавшие «отпочкование КНР от СССР») уже вызревали. Серьезным сигналом стал резкий отказ Мао Цзэдуна от естественной для союзников идеи создания единого командования ВМС на Дальнем Востоке, прозвучавший по ходу странноватого «саммита в плавательном бассейне» летом 1958 г. Год спустя размежевание углубилось.

«*Мятеж в Тибете*», — гласила моя дневниковая запись за март 1959 г. А в сентябре, когда уже паковал чемоданы по завершении китайской командировки, я записал: «По радио прозвучало «Заявление ТАСС»: Китаю и Индии дан совет помириться. Мао здесь поставлен на одну доску с Неру — не оскорбился ли?»

Напомню, что в 1951 г., когда КНР установила контроль над Тибетом, Пекин (преимущественно, стараниями Чжоу Эньлая) прилагал колоссальные усилия, чтобы завоевать сердце 16-летнего далай-ламы, не допустить его эмиграции. И небезуспешно: последний совершил продолжительную экскурсию по КНР, был избран заместителем председателя ПК ВСНП (став самым юным в мире «вице-спикером» высшего законодательного органа). Многократно виделся с Мао Цзедуном и даже сочинил оду, в которой уподобил его «солнцу» и «могучему орлу, победившему империализм». Главное же — ему было обещано, что клерикально-феодалные порядки в Тибете будут меняться без спешки, реформы начнутся не ранее 1963 г. И хотя в 1958 г. развернулась тотальная коммунизация Китая (так называемый «большой скачок»), Пекин старался блюсти это обещание в административных границах Тибета. Но имелись еще и территории, населенные тибетцами в провинциях Сычуань, Цинхай, Юньнань, Ганьсу, на которые оно не распространялось. «В результате многие тибетцы — из высших классов и из низов — взбунтовались против власти Китая, создав повстанческое движение “четырёх рек и шести районов”, получавшее многообразную поддержку ЦРУ», — читаем в работе американца китайского происхождения Чэнь Цзяня «Тибетское восстание 1959 г. и изменение отношений Китая с Индией и СССР»¹.

Оценивая глобальные последствия той операции Аллена Даллеса, ее можно считать самой успешной в его карьере, но если бы не просчеты Мао Цзэдуна, ЦРУ тогда осталось бы без «фронта работ».

В 1956 г. оно переслало на выучку в секретный лагерь на территории США первую группу будущих боевиков-тибетцев, год спустя их вернули в Тибет — а «скачок» тут как тут! Брожение охватило Цинхай, Мао же... возликовал: «Если реакционные силы в Тибете решатся на полномасштабный мятеж, — указывал он в июне 1958 г., — трудовой люд выиграет благодаря более раннему освобождению». В феврале 1959 г., читая рапорт генштаба НОАК о волнениях в примыкающих к Тибету провинциях, Мао заявил: «Мятеж весьма благоприятен для нас, ибо способствует подготовке армии, подготовке народа... В военном отношении не надо бояться мятежа, его надо приветствовать...»

1. Chen Jian. The Tibetan Rebellion of 1959 and China's Changing Relations with India and the Soviet Union. URL: <http://www.fas.harvard.edu/~hpcws/jcws.2006.8.3.pdf>.

В результате НОАК рассеяла мятежников, а агентам ЦРУ не составило труда переправить далай-ламу в Индию. От «тибетской занозы» Пекин страдает по сей день. Но неизмеримо болезненней — возникший тогда геополитический разлом. Между соавторами «пяти принципов мирного сосуществования», Китаем и Индией последовала долгая пограничная война, расцененная Чэнь Цзянем как *«начало краха великой китайско-советской солидарности»*. СССР попал в геополитический тупик. Важная опора тогдашней архитектуры — нарождавшийся «третий мир» — стал ареной соперничества Москвы и Пекина. К счастью, советский ракетно-ядерный потенциал к тому моменту уравнился с американским, безопасность и без дружбы с Китаем оказалась возможной... Так зарождался «треугольник».

Л. ДИТТМЕР. «Китайский фактор» появился в советско-американских отношениях как результат конкретных событий и — одновременно — концептуальных построений. Если говорить о конкретных событиях, то решающую роль сыграла опасная эскалация советско-китайского раскола, который достиг своей кульминации в виде вооруженных столкновений и угроз упреждающего удара со стороны СССР в 1969 г. и который создавал американцам удобный прецедент для вмешательства.

Концептуальная новация состояла в следующем: вместо того, чтобы просто поддерживать более слабую сторону в ее противостоянии более сильной стороне (как того требует классическая теория равновесия сил), администрация Никсона предпочла установить более открытые отношения с Китаем и в то же время по-прежнему культивировать разрядку (переговоры ОСВ, и т.п.) в отношениях с СССР. Таким образом, США поддерживали с СССР и КНР более благоприятные отношения, чем те, которые существовали между СССР и Китаем, что, собственно, и составило «треугольную» конфигурацию.

Прежде всего, развитие американо-китайских отношений способствовало уходу США из Вьетнама, ибо Китай сократил субсидирование его войны за национальное освобождение (что впоследствии вылилось во враждебное отношение со стороны Ханоя). Косвенный эффект налаживания отношений между США и КНР просматривался в «доктрине Никсона», направленной на сокращение сил США в Восточной Азии. Кроме того, благодаря налаживанию американо-китайских отношений был заложен фундамент для «возвышения Китая», ибо оно помогло КНР стать членом Совета Безопасности ООН, позволило ликвидировать установленные Соединенными Штатами препятствия на пути широкого дипломатического признания КНР и открыть западные рынки для китайских товаров.

А. ЛАРИН. За те шесть с лишним десятков лет, что существует стратегический треугольник «Россия—США—КНР», его конфигурация несколько раз менялась кардинальным образом, и всякий раз это было обусловлено сменой идеологического фундамента и, соответственно, внешнеполитической стратегии его участников.

Контур «треугольника» — присутствие американского фактора на китайском направлении политики России (тогда еще СССР) — появились одновременно с поражением Японии во второй мировой войне. В 1945 г., при подготовке советско-китайского договора о мире и дружбе Сталин, если верить мемуарной литературе, подчеркивал: «Советское правительство не хотело бы, чтобы американские войска вступили в Маньчжурию. Это — советская зона».

Разразившаяся вскоре в Китае гражданская война представляла собой не только битву КПК и Гоминьдана, но и — на заднем плане — соперничество между СССР и США за влияние на огромную страну.

В первые годы после образования Китайской Народной Республики два государства — СССР и Китай в составе «единого антиимпериалистического лагеря» пребывали в состоянии острой военно-политической конфронтации с США. В связи с этим интересно вспомнить один эпизод. Вскоре после провозглашения КНР китайское правительство в секретном порядке обратилось к Сталину с просьбой предоставить Китаю боевые

самолеты и персонал с тем, чтобы использовать их при предполагавшемся штурме Тайваня. Сталин предпочел воздержаться от прямого участия в военной операции, опасаясь, по-видимому, обострить отношения с США, однако под Шанхаем появился советский авиационный отряд, для защиты, как писали историки, побережья Китая.

На рубеже 1960–1970-х гг. позиция Пекина радикально менялась: сменив идеологические знамена, он в течение короткого времени осуществил «блокирование с американским империализмом» против СССР и его союзников. Вашингтон охотно пошел ему навстречу (важной вехой в этом процессе послужил памятный визит Р. Никсона в Китай в 1972 г.). На этом этапе США в своей политической игре против СССР стали активно использовать «китайскую карту», и это помогло им выиграть «холодную войну». Лидеры СССР не сумели объективно оценить ни масштабы «китайской угрозы», ни военно-экономический потенциал собственной страны. Поддавшись влиянию руководителей военно-промышленного комплекса и генералитета и подменив тем самым государственные интересы их корпоративными интересами, высшие деятели советского государства параллельно с гонкой вооружений, навязанной Советскому Союзу Соединенными Штатами, пошли на небывалое наращивание вооруженных сил на китайском направлении. Результат известен: экономика СССР не выдержала напряжения.

Между тем, Китай в 1980-х гг. начал успешно перестраивать свою экономику на рыночный лад, что обеспечило ему прилив симпатий со стороны Запада.

Э. МИЛЛЕР. Во-первых, достижение стратегического паритета между США и СССР в конце 1960-х гг. развеяло представления об американском превосходстве и подпитывало впечатления о росте мощи Москвы и падении мощи США. Во-вторых, стали появляться новые центры силы. К 1970 г. Япония заняла второе место в ряду крупнейших экономических держав мира. Тем временем экономическое возрождение стран Западной Европы и обретенная ими способность к сотрудничеству, проявившиеся в создании совместных институтов в 1967 г. и подключении к ним Великобритании в 1973 г., сделали реальным формирование Европейского Союза. Экономическая мощь Японии и Европы ослабила послевоенное экономическое господство США, свидетельством чему стал крах системы Бреттон-Вудса в 1971 г. И, наконец, в Пекине и в Вашингтоне, где в каждом случае руководствовались своими собственными соображениями, усмотрели совпадение стратегических интересов КНР и США. Вашингтон стремился получить помощь Пекина в выходе из Вьетнама и заручиться сотрудничеством Китая в сдерживании растущей советской мощи. Пекин, со своей стороны, стремился выйти из международной изоляции, в которой он оказался из-за действий Вашингтона в период войны в Корее и из-за своего отхода от советского блока в начале 1960-х гг. Изоляция Пекина представлялась еще более опасной с учетом того, что Москва возобновила применение силы в рамках блока — в августе 1968 г. советские войска вошли в Чехословакию.

В. ТРИФОНОВ. Приход к власти в США президента Р. Никсона в результате ноябрьских выборов 1968 г. привел к существенному изменению американской стратегии в отношении Советского Союза и Китая. В инаугурационной речи в январе 1969 г. новый президент объявил об окончании эры конфронтации и начале переговоров. Появились серьезные шансы для достижения разрядки в отношениях с Москвой и стабилизации общей обстановки на международной арене.

Одновременно, в условиях резкого ухудшения советско-китайских отношений, Соединенные Штаты и их союзники совершили кардинальный поворот в своей политике в отношении КНР, взяв курс на наведение мостов с Пекином. 1970-е гг. были отмечены интенсивными переговорами между КНР и США в поисках формулы, позволяющей установить между ними прямые связи, кульминацией чего стал визит в КНР президента Р. Никсона (21–28 февраля 1972 г.) и подписание Шанхайского коммюнике.

Тем не менее, дипломатические отношения между США и КНР в тот период установлены не были. Вашингтон был пока не готов к этому. Требовалось уладить вопросы, связанные с Тайванем, слишком сильным было сопротивление дальнейшим уступкам Китаю в американском Конгрессе. В то же время ведущие западноевропейские страны не стали медлить с открытием своих посольств в Пекине. В сентябре 1972 г. в ходе визита в Китай премьер-министра К. Танаки дипотношения с КНР установила Япония. В октябре 1971 г. КНР была принята в ООН.

Д. ДРЕЙЕР. Китайско-советские отношения ухудшились в 1960-е гг. Ядерные испытания, начатые Китаем осенью 1964 г., массовый психоз и дошедшая до крайности ксенофобия, охватившие страну в период «культурной революции», воинственные заявления и огромное население Китая — все это, конечно же, вызвало опасения со стороны всех соседних стран. В силу непосредственного соседства СССР с Китаем и накала звучавшей из КНР антисоветской риторики опасения Москвы приобрели особую остроту. Поскольку претензии Республики Китай на законное управление всем Китаем с каждым годом становились все менее осуществимыми, некоторые вашингтонские политики начали искать пути к установлению нормальных отношений с правительством КНР. Коль скоро советско-китайский раскол означал конец монолитного единства коммунистических стран и тем самым ослабил восприятие угрозы советско-китайского блока, эти политики, исходя из принципа «враг моего врага — мой друг», увидели в расколе определенные возможности для США.

С. ТРУШ. Сорокалетие никсоновских «восточных» визитов, вошедших в учебники по современной дипломатии — хороший информационный повод поразмышлять о прошлом и будущем трехсторонних отношений, очертить политологические параллели, более или менее оправданные.

Многое со временем видится по-иному. В начале 1970-х гг. секретные визиты Киссинджера в Пекин, его полеты на истребителях французских ВВС, несущие печать голливудовской «бондианы», договоренности этого вашингтонского Талейрана с Мао — экстравагантным, малопонятным Западу, пишущим стихи, но вполне прагматичным вождем самой многочисленной коммунистической империи, представлялись политологам и журналистам «внешнеполитическим кульбитом», событием, «изменившим мир». С годами флер такой сенсационности, несомненно, блекнет. Примеров неожиданных альянсов ранее непримиримых врагов перед лицом большей опасности предостаточно и в китайской, и в российской, и в западной политической традиции. Достаточно вспомнить стратагемы Суньцзы, духом которых пропитана не только династическая история Китая, но и недавняя (XX век) история КПК, или пакт Молотова — Риббентропа, рядом с которыми любой Макиавелли чувствует себя вполне уютно.

Э. ВОГЕЛЬ. Думается, Киссинджер намеревался получить помощь Китая в решении проблемы войны во Вьетнаме и поэтому желал «размораживания» отношений с Китаем. Полагаю, что Китай, после своих девяти писем¹ в адрес СССР, был готов рассматривать вопрос об открытии навстречу Западу как о средстве получения поддержки в его противостоянии Советскому Союзу.

Американцы опасались, что установление отношений с Китаем может осложнить отношения с русскими, но произошло обратное. Стремясь «оторвать» США от Китая², Советский Союз стал более открытым для США.

1. Следует уточнить, что речь идет, по-видимому, о девяти статьях и семи письмах КПК и китайского руководства в адрес руководящих органов СССР.

2. В тексте — «от СССР», что, видимо, является авторской опечаткой. (Прим. перев. — Т.К.)

2. Становление «треугольной дипломатии» как инструмента «баланса сил» во внешней политике США

Д. ДРЕЙЕР. Генри Киссинджер, который начал свою карьеру как внешнеполитический советник Нельсона Рокфеллера, а затем занимал посты советника по национальной безопасности в администрации Ричарда Никсона (с 1968 г.) и государственного секретаря в администрациях Никсона и Форда (с 1973 г.), считается непревзойденным мастером политики баланса сил. Так, к поддержке Пакистана в индо-пакистанской войне 1971 г. его побудило сближение Индии с СССР. Благодаря улучшению отношений с Пакистаном, США получили «естественный проход» к его союзнику, Китаю, и Исламабад содействовал организации изначально тайных визитов Киссинджера в Китай. К тому времени КНР уже оправилась от хаоса «культурной революции» и, похоже, вполне могла послужить для США противовесом советскому экспансионизму.

В самих США протесты против войны во Вьетнаме вышли далеко за пределы проблемы Вьетнама (которому, по мнению американских левых, было лучше жить под властью коммунистов, чем при прогнившем сайгонском режиме) и обернулись против военного комплекса, против размеров военного бюджета и вообще против слишком активной внешней политики США. Киссинджер, удрученный отсутствием признания его усилий, всячески старался отбиться от своих американских оппонентов, предвещавших закат США, но, тем не менее, считал необходимым привлечь союзников на сторону своей страны.

В то же время Мао Цзэдун благосклонно воспринимал идею улучшения отношений с США, которые, при всем его отвращении к американской политико-экономической системе, по крайней мере, находились далеко от территории Китая и могли создать надежную оборону от СССР. К подавлению «пражской весны» в августе 1968 г. и к провозглашению «доктрины Брежнева», утверждавшей право СССР на вторжение в другие страны для поддержки коммунистического строя, в Пекине отнеслись как к предупреждению. Коммунистическая система по Мао заметно отличалась от советской. Предполагалось, что к сокрушению уклонизма в Чехословакии Москву побудило стремление подать предупреждающий сигнал Пекину: “свернуть шею цыпленку [правительству Чехословакии], чтобы напугать обезьяну [Китай] “. «Культурная революция» существенно ослабила китайскую армию, и некоторые обстоятельства указывали на то, что СССР и его квази-союзник Индия намеревались воспользоваться этой слабостью. Так сложилось мнение, что Китай и США имели общую заинтересованность в обуздании “советской угрозы”.

А. ДАВЫДОВ. С начала 1970-х гг. в мировой политологии укоренилось понятие «треугольной дипломатии», а термины «баланс сил», «факторы США и Китая», характеризовавшие степень влияния и роль этих стран во взаимоотношениях формата СССР—США—КНР, заняли прочное место в научной литературе и международной публицистике.

В течение 1970-х — первой половины 1980-х гг. «китайский фактор» в советско-американских отношениях ассоциировался преимущественно с т.н. «единой линией» Вашингтона и Пекина на сдерживание СССР и отождествлялся с важным компонентом их общей антисоветской стратегии. Несмотря на сохранявшиеся серьезные китайско-американские разногласия и противоречия, он зачастую использовался США для ослабления советского влияния на глобальном пространстве. В тот период КНР как слабейшей в «треугольнике» стороне отводилась роль своеобразного «балансира».

Китай, со своей стороны, часто прибегал к опоре на США как на более влиятельную и могущественную силу, блокируясь с ними для осуществления разнообразных анти-советских акций, включая, например, «ветирование» ряда инициатив СССР в ООН, бойкот московской Олимпиады, подрыв советских усилий в Афганистане, ограничение влияния

Советского Союза в АТР и др. Иногда взаимодействие Китая с Америкой на почве антисоветизма ограничивалось «мягкими формами», т.е. попросту оказанием друг другу определенной моральной поддержки, но чаще носило вполне вещественный характер.

Справедливость требует, однако, признать, что и СССР подключался тогда к «треугольным играм», рассматривая, например, разрядку с США в первой половине 1970-х гг. одновременно и как средство борьбы против маоистского Китая. Позднее достоянием гласности стали факты, касавшиеся попыток согласования Москвы с Вашингтоном возможности нанесения в 1970-е гг. ядерного удара по КНР.

Практическими результатами «балансирования силами» в рамках «треугольной дипломатии» в тот период стали подрыв фундамента советско-американской разрядки, ослабление взаимного доверия и усиление военно-силовых компонентов во внешней политике обеих держав, что привело в итоге к новому витку гонки вооружений, возникновению «афганского синдрома» и множеству других негативных последствий.

Г. МУР. Я не уверен в том, что концепция «треугольников» может объяснить многие моменты в отношениях между Китаем, Россией (СССР) и США или между любыми другими странами. На мой взгляд, треугольная схема — это конструкция, созданная реалистами в период «холодной войны» для материализации (и поддержки) их структурно уязвимых концепций, в то время как на деле отношения между тремя державами всегда носят более сложный характер, не укладывающийся в понятие «треугольника». На деле «треугольники», как представляется, без какой-либо необходимости разграничивают более широкую динамику балансирования, которую реалисты эффективно оспаривают не одно десятилетие. Более того, вне самого «треугольника» между тремя игроками, несомненно, присутствуют три диады, имеются международные организации, международные структуры и международные нормы, имеются (по Вендту) культуры анархии (на международном, региональном и двустороннем уровнях)¹, внутренняя политика и прочие переменные факторы, оказывающие политическое влияние.

Говоря о Китае, об СССР и Китае в 1970-е гг., и задаваясь вопросом, усматривали ли американские политики какую-либо связь между своей политикой в отношении Китая и СССР, я бы сказал и «да» и «нет». «Да» в том смысле, что СССР, разумеется, вызывал озабоченность Никсона и Киссинджера, и потому они считали благом отвлечь Китай от русских и приманить его к США. Американское сближение с Китаем несло в себе существенные стратегические выгоды. В то же время, я отвечаю «нет», поскольку госсекретарь США Уильям Роджерс договаривался с Москвой, стараясь снизить уровень напряженности в советско-американских отношениях, и далеко не сразу узнал о тайных договоренностях Никсона и советника по национальной безопасности Киссинджера с Пекином. Вообще, по мнению Роджерса, сделка с Китаем представляла собой проблему, и он был крайне недоволен отсутствием координации между двумя столь важными договоренностями (США с Китаем и США с СССР).

С. ТРУШ. Жив ли «треугольник» сегодня? Если да, то в какой форме, с какими сущностными и ситуативными изменениями? В какой мере «треугольный» формат продуктивен для практической российской политики?

Немного о понятиях. «Треугольник» («многоугольник», «N-угольник») — виртуальная конструкция, но устоявшийся термин в политологии. Этот термин обычно в ходу для отображения интересов и отношений трех (или более) стран, сопоставимых по внешнеполитическому «весу» и влиятельности, когда стратегии этих стран, будучи в целом са-

1. Moore G.J. Constructing Cooperation in Northeast Asia: Historical Northeast Asian Dyadic Cultures and the Potential for Greater Regional Cooperation,” for a workshop, “Beyond History: Reconciliation, Cooperation and Social Integration in Northeast Asia,” at Zhejiang University, Hangzhou, China, December 3, 2011.

мостоятельными и самодостаточными, демонстрируют очевидную степень взаимообусловленности. Характерной чертой «треугольных» отношений является использование стороной А своих отношений со стороной В для косвенного воздействия или уравнивания отношений со стороной С. Такая взаимообусловленность может касаться какой-либо одной сферы международного взаимодействия — например, исключительно военно-стратегической сферы, сферы безопасности, идеологии или экономики — либо быть более синтетичной, комплексной, захватывающей все основные сферы внешней политики.

Понятно также, что каждая исторически складывающаяся «геометрическая» ситуация уникальна в той мере, в какой уникален состав этой «фигуры», внешнеполитические ресурсы соответствующих стран и их мотивации, меняющаяся гамма их сближающих и разводящих интересов, композиция «сдержек и противовесов», глобальный международный контекст — «фон» — их взаимодействия.

Применительно к конкретной историко-политической ситуации между США—КНР—СССР с конца 1960-х вплоть до начала 1990-х гг. под «треугольником» подразумевалась конфигурация, в первую очередь, силовых и геополитических интересов Вашингтона, Пекина и Москвы, их взаимоотношения преимущественно в сфере безопасности. Центробежные — «антимосковские» — процессы в коммунистическом блоке в период после Второй мировой войны, эволюция Москвы и Пекина до грани полномасштабного и, возможно, ядерного столкновения, привели к ситуации «коалиционного торга» между тремя обозначившимися «центрами силы». Хотя этот торг проходил по каждой из осей наметившегося «треугольника», в силу совокупности международных, внутриамериканских и внутрикитайских причин (поиски Вашингтоном «стратегии выхода» из вьетнамской войны; прогресс стратегического диалога США с СССР; китайская «паранойя» по поводу возможного ядерного удара Москвы после событий на о. Даманский; «финальная» зачистка Мао Цзэдуном своей внутренней оппозиции; стремление Р. Никсона компенсировать свои внутренние проблемы дипломатическими «прорывами») торг этот наиболее продвинулся по линии КНР — США. Его результатом стал «исторический» визит Р. Никсона в Пекин и не менее историческое «Шанхайское коммюнике», зафиксировавшее компромиссы сторон по тайваньскому и другим узловым вопросам. Считается, что главный китайский «приз» этих договорённостей — хотя никаких документальных свидетельств этого быть не может по определению — определенные гарантии, данные Пекину в случае ядерной атаки Москвы. Америка, со своей стороны, с помощью Пекина смогла осуществить менее болезненный выход из вьетнамской войны и, что не менее важно, значительно усилить свои переговорные позиции с Москвой, в частности, по проблеме СНВ. Доминирование «треугольных» мотивов китайско-американского сближения отчетливо проявлялось до начала 1980-х гг., пока III пленум ЦК КПК (1978 г.) и XII съезд КПК (1982 г.) ни обозначили собой гамму новых факторов, определяющих китайскую внутреннюю и внешнюю стратегию.

Э. МИЛЛЕР. Поворот Вашингтона к Пекину означал фундаментальный сдвиг в американской стратегии сдерживания. Он означал отказ от подвижной идеологией глобализации сдерживания, предписанного директивой № 68 Совета национальной безопасности — своего рода оценки стратегической ситуации, подготовленной Полом Нитце в 1958 г. В этой директиве продвижение коммунизма в любой стране — как, например, во Вьетнаме — рассматривалось как повсеместное поражение Америки. Кроме того, указанный сдвиг означал возврат к исходной реалистичной формулировке сдерживания, предложенной Джорджем Кеннаном в 1946 г. и основанной на той посылке, что Вашингтону следует поддерживать центры индустриальной мощи в Западной Европе и Японии, чтобы отразить вызов со стороны Советского Союза. Вернувшись к прежней логике баланса сил, Никсон тем самым придал легитимность сотрудничеству с откровенно

“революционным” коммунистическом государством — КНР, поскольку оно было направлено против общего противника — другого коммунистического государства, СССР.

В плане т.н. «жесткой силы» КНР по всем параметрам уступала потенциалу США и СССР. Поэтому понятие “стратегического треугольника” трех крупных держав не имело никакого смысла. Однако, вступление в ООН, которое состоялось в 1971 г. с согласия США, наконец-то подтвердило легитимность КНР и позволило ей обрести статус великой державы, ставшей одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности. Это обстоятельство, наряду со становлением таких игроков, как Япония и Европейский Союз, ознаменовало появление тенденции движения к многополюсному миру, которое продолжается и поныне.

Ю. ДУБИНИН. Что касается формата китайско-американских отношений, то на протяжении более 10 лет после подписания «Шанхайского коммюнике» это была нигде письменно не зафиксированная договоренность о координации сторонами своих действий в противостоянии политике СССР в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Более того, речь шла даже не столько о конкретных действиях, сколько о том, что каждая из сторон стремилась использовать другую в качестве противовеса Советскому Союзу. Основой такого курса должны были стать не формальные обязательства, а тождественность взглядов и подходов руководителей КНР и США.

Каждая из сторон извлекала из этого положения вещей определенные преимущества. Сознательная неопределенность, придаваемая сторонами характеру и содержанию реально достигавшихся договоренностей, составляла основное содержание “треугольной дипломатии”. Эта неопределенность вызывала подозрения Москвы, однако — вопреки ожиданиям Пекина — не усиливала напряженность в советско-американских отношениях. Более того, советско-американские отношения — особенно в первой половине 1970-х гг. — были существенно более содержательными и продуктивными по охвату обсуждавшихся проблем и реально достигнутым результатам, чем контакты между КНР и США. Позиция КНР в “треугольнике” была в то время наиболее слабой, что особенно реально выявилось в середине 1970-х гг. Следует особо отметить обостренно-негативную реакцию Пекина на проведение встречи Дж. Форда и Л.И. Брежнева во Владивостоке в ноябре 1974 г., а также трудности поддержания содержательного американо-китайского диалога с новым руководством КНР после смерти Чжоу Эньлая и Мао Цзэдуна в 1976 г.

Ближе к концу 1970-х гг., по мере нарастания внешнеполитической активности СССР в различных регионах «третьего мира» (Ангола, Эфиопия, Вьетнам, Кампучия, а в дальнейшем — Афганистан), руководители КНР и США восприняли “советскую угрозу” как сигнал к своему дальнейшему сближению. При этом, большую необходимость в нормализации отношений испытывал скорее Вашингтон, чем Пекин, поскольку именно США пошли на удовлетворение всех требований КНР, включая прекращение дипломатических отношений с Тайбэем, вывод американских войск с о. Тайвань, разрыв американо-тайваньского договора безопасности 1954 г. Китай же, наоборот, категорически отказался брать на себя какие-либо обязательства относительно неприменения силы для объединения страны. Последовавший за установлением дипломатических отношений визит Дэн Сяопина в США в январе-феврале 1979 г. явился, пожалуй, кульминацией китайско-американского партнерства 1970-х гг. Одной из важнейших целей визита было добиться от американского руководства хотя бы молчаливой поддержки китайских планов вторжения в Социалистическую Республику Вьетнам. Дэн Сяопин предложил Дж. Картеру рассматривать противодействие Китая вьетнамской операции в Камбодже как элемент совместных действий против политики СССР. В беседе с Картером Дэн Сяопин заявил: «повсюду, куда Советский Союз протягивает свои руки, мы должны об-

рубать его пальцы»¹. И хотя китайский руководитель не получил прямой поддержки своих планов от Картера, американский президент, тем не менее, сообщил ему, что, по данным разведки США, каких-либо существенных перемещений советских вооруженных сил в направлении Китая не обнаружено.

С приходом в Белый дом республиканской администрации Р. Рейгана Китай начал высказывать беспокойство в связи с протайваньскими настроениями, выражавшимися Рейганом в ходе предвыборной кампании 1980 года, в том числе его заявлениями о намерении восстановить отношения США с Тайванем в случае его избрания. Вашингтон попытался погасить обеспокоенность КНР, направив в июне 1981 г. в Пекин государственного секретаря А. Хейга (участвовавшего в качестве сотрудника аппарата Совета национальной безопасности в подготовке первого визита Р. Никсона в КНР), однако камнем преткновения стали продолжавшиеся поставки США вооружений Тайваню. Подписание в 1982 г. китайско-американского коммюнике о рамках поставок американских вооружений Тайбэю несколько снизило озабоченности Пекина и позволило продолжить сближение между КНР и США на основе стратегических (противостояние с СССР) и экономических интересов. Между двумя государствами складывались отношения, предполагавшие параллельные и даже согласованные действия по целому ряду вопросов международной политики. О степени близости этих отношений свидетельствовал начавшийся регулярный диалог не только между руководителями двух стран и их внешнеполитическими ведомствами, но и интенсивные военные контакты, включая обмены визитами министров обороны.

Вместе с тем, руководители КНР осознавали, что в условиях проведения администрации Р. Рейгана жесткого антикоммунистического и антисоветского курса, направленного на достижение победы в «холодной войне», чрезмерная близость с США может при определенных обстоятельствах и вопреки воле и интересам Пекина вовлечь Китай в американо-советскую конфронтацию. Кроме того, провозглашенный III пленумом ЦК КПК и закрепленный XII съездом КПК курс на проведение реформ предполагал поворот страны к более деидеологизированной, прагматичной внешней политике, отказ от близких или союзнических отношений с какой-либо из сверхдержав. Начался поворот от жестко конфронтационной политики Китая в отношении СССР к дозированному диалогу с Москвой, в условиях которого чрезмерная ассоциация с линией Вашингтона оказывалась неуместной. В частности, Пекин отверг американское предложение о совместном выступлении с осуждением введения военного положения в Польше, начал открыто дистанцироваться от политики США в различных районах мира: Европе, Латинской Америке, Африке, на Ближнем Востоке и др. В ходе визита Р. Рейгана в КНР в апреле 1984 г. китайские средства массовой информации не публиковали наиболее критические пассажи из выступлений американского президента относительно политики СССР.

Очевидно, можно констатировать, что ближе к середине 1980-х гг. китайские руководители начали более активно играть в “треугольную дипломатию”, повышая в ней свою роль и значение и демонстрируя значительно возросшую активность в “треугольнике”.

Л. ДИТТМЕР. “Стратегический треугольник” создал преимущества для всех трех сторон, ибо остановил эскалацию двустороннего спора и в то же время позволил США добиться уступок от обеих спорящих сторон, ибо каждая из них “ревниво” опасалась, как бы соперник не заключил с Вашингтоном более выгодную сделку. В то же время формирование “треугольника” помогло закончить “холодную войну” в Азии раньше, чем в Европе, поскольку основанное на антикоммунизме враждебное отношение к КНР сублимировалось в общую навязчивую идею об угрозе со стороны “полярного медведя”.

1. Цит. по: Kissinger H. On China. New York, 2011. P. 495–498.

А. КРУШИНСКИЙ. В течение десятилетий каждая из трех сторон исходила из субъективно трактуемых национальных интересов. Мировая архитектура становилась все менее стабильной, и американо-китайское сближение в 1970-х гг. оказалось не менее серьезным потрясением, нежели «тибетский кризис». Показательно: если Никсон с Киссинджером, балансируя между Пекином и Москвой, взяли на вооружение «треугольную дипломатию», то Мао был бескомпромиссен, что загодя подтвердил его идеологический рупор, журнал «Хунци». Через три недели после первого визита Киссинджера он призвал: КНР должна объединиться с «врагом № 2» — США, чтобы изолировать и разбить «врага № 1» — СССР. Последнему пришлось держать оборону на двух фронтах, и в этом, возможно, таятся корни его поддержки Вьетнама, укрепления военной группировки в МНР, вторжения в Афганистан.

Э. ВОГЕЛЬ. Думаю, что Вэнс хотел установления более близких отношений с СССР, в то время как Киссинджер и многие другие тяготели к тому, чтобы склониться в сторону Китая, и относились к СССР более критично.

А. БОЛЯТКО. В 1970-е гг. Китай в поисках самостоятельной роли в мире начал претендовать на место, равноправное положению «сверхдержав», выбрал образ неконфронтационного «полюса», находящегося на меньшем расстоянии от «разнозаряженных полюсов» — Соединенных Штатов и Советского Союза, чем расстояние, разделяющее их самих. В этом заключалась суть установки на проведение «независимой и самостоятельной внешней политики», которую в тот период можно было назвать политикой «свободного балансирования» в «треугольнике» СССР—КНР—США.

В. ТРИФОНОВ. Процесс нормализации американо-китайских отношений был завершен при президенте Дж. Картере, победившем на выборах 1976 г. В мае 1978 г. Пекин со специальной миссией посетил помощник президента по вопросам национальной безопасности З. Бжезинский, который быстро нашел общий язык с тогдашним китайским руководством. Окончательные детали договоренностей между КНР и США вырабатывались сторонами в глубокой тайне, а 15 декабря Дж. Картер в телевизионном обращении к нации зачитал текст совместного американо-китайского коммюнике об установлении с КНР с 1 января 1979 г. дипломатических отношений. Прекращались дипотношения с Тайванем.

Шаги администрации были дополнены американским Конгрессом, разработавшим, к сильнейшему недовольству Пекина, так называемый «Закон об отношениях с Тайванем», вступивший в силу 10 апреля 1979 г. В нем содержались обязательства США развивать отношения как с «народом Тайваня, так и с народом на материке Китая», «снабжать Тайвань оружием оборонительного характера», указывалось, что «решение Соединенных Штатов установить дипломатические отношения с КНР базируется на ожидании, что будущее Тайваня будет определено мирным путем. Особое значение имела формулировка: «считать любые попытки определить будущее Тайваня иными, чем мирными средствами, включая бойкот или эмбарго, как угрозу миру и безопасности в западной части Тихого океана и как источник серьезного беспокойства для США».

Быстрыми темпами стали налаживаться политические, экономические и культурные связи между США и КНР, активно зондировались возможности военного сотрудничества между ними. С 28 января по 5 февраля 1979 г. состоялся визит в США высшего руководителя КНР Дэн Сяопина. Несмотря на исключительно теплый прием, оказанный китайскому лидеру, Пекин, однако, довольно скоро убедился, что США не намерены заходить слишком далеко в своих отношениях с КНР, продавать Китаю необходимые ему виды вооружений, передавать современную технологию военного применения. США, к тому же, несмотря на протесты КНР, продолжали и продолжают осуществлять крупные продажи оружия Тайваню.

К началу 1980-х гг. во внутренней и во внешней политике КНР стали происходить серьезные изменения в сторону прагматизма и реализма. Переломное значение для судеб Китая имел декабрьский (1978 г.) пленум ЦК КПК, взявший курс на стабилизацию обстановки в стране, проведение необходимых реформ, для осуществления которых она нуждалась в мирных внешних условиях. На первый план вышел известный тезис Дэн Сяопина о мире и развитии как главной тенденции современной эпохи.

Состоявшийся в сентябре 1982 г. XII съезд КПК закрепил три основополагающих принципа в политике КНР — «независимость, самостоятельность и опору на собственные силы». Был подчеркнут отказ от установления союзнических отношений или стратегического сотрудничества с какой-либо из «сверхдержав», определен курс на улучшение и развитие взаимовыгодных связей со всеми странами мира, включая СССР и США, на основе пяти принципов мирного сосуществования.

Дальнейшим позитивным переменам во взаимоотношениях Советского Союза и Китая способствовал начавшийся в СССР процесс перестройки, выдвинутая политика нового мышления. Состоялся интенсивный обмен визитами министров иностранных дел сторон, носивший исключительно продуктивный характер. Важнейшее значение имел визит в Китай в мае 1989 г. президента М.С. Горбачева, закрепивший поворот к нормализации в советско-китайских отношениях. При встрече с М.С. Горбачевым Дэн Сяопин произнес символическую фразу о том, что стороны должны «закрыть прошлое, открыть будущее».

Начало 1990-х гг. было отмечено драматическими событиями. Произошел распад Советского Союза, не выдержавшего груза взятых на себя обязательств в результате ряда просчетов, допущенных прежним и тогдашним советским руководством. Китай одним из первых признал Россию полноправным правопреемником СССР, что имело особое значение для нашей страны в условиях проводившейся внешними силами политики давления на Россию в целях ее дальнейшего ослабления. Два государства встали на путь взаимодействия и расширения сфер сотрудничества. Важнейшим шагом в этом направлении стала подписанная 25 апреля 1996 г. президентом России Б.Н. Ельциным и председателем КНР Цзян Цзэмином «Совместная российско-китайская декларация», в которой стороны провозгласили свою решимость «развивать отношения равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке». Прочную базу под отношения России и Китая заложил подписанный сторонами 16 июля 2001 г. «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве».

Б. Влияние американо-китайских отношений на процесс трансформации мировой архитектуры

1. Крах биполярности и «фактор Китая» на рубеже 1990-х гг.

А. ДАВЫДОВ. Естественный конец попыткам блокирования КНР и США на антисоветской основе положили распад СССР и крах биполярной системы мироустройства. Хотя Китай сделал первые шаги по восстановлению связей с Советским Союзом и отказался «подыгрывать» Америке в антисоветских выпадах несколько раньше этого геополитического коллапса.

После развала СССР Западом предпринимались попытки привлечения Москвы к сдерживанию Пекина, отношения которого с США и НАТО периодически обострялись на протяжении 1990-х гг. после известных событий на площади Тяньаньмэнь. Жизнь, однако, показала и Китаю, и России, и, в конечном счете, США, что использование любых «треугольных схем», основанных на принципе «двое против одного», дело, как правило, непродуктивное, а порою весьма опасное.

Как бы то ни было, отношения между Китаем, Америкой и Россией и сегодня остаются одним из ключевых элементов новой мировой архитектоники. Трансформировавшись после распада СССР в конструкцию «США—КНР—РФ», пресловутый «треугольник» утратил часть прежних характеристик, одновременно приобретя некое новое качество. Но главное его свойство — радикально влиять на глобальную ситуацию — сохраняется и поныне: от состояния взаимоотношений трех стран по-прежнему в значительной степени зависят мир и стабильность на нашей планете.

В то же время очевидно, что распад СССР, приведший к краху двухполюсной системы, практически не предоставил никакой альтернативной модели мироустройства. Правы те аналитики, кто утверждает, что в сегодняшнем мире сохраняется наличие двух разновекторных противоречивых тенденций развития — к многополярности и однополярности, способных сосуществовать в течение некоторого времени. При этом ни та, ни другая модель не являются идеальными.

Идею многополярного мира Москва и Пекин начали отстаивать с середины 1990-х гг. Если в интерпретации Москвы она в то время выглядела как путь к восстановлению былых позиций одного из прошлых мировых лидеров, то многополярность «по-пекински» предполагала становление нового центра силы путем превращения Китая сначала в региональную, а затем в глобальную супердержаву.

До определенной поры, однако, практические действия Пекина на этом направлении носили ограниченный характер. Выполняя установку Дэн Сяопина «не высываться», Китай определил в качестве приоритета наращивание экономических мускулов за счет проведения сугубо прагматического курса и готов был к сотрудничеству с любыми силами, если это способствовало реализации его интересов.

Свое влияние и авторитет в мире КНР стремилась поначалу укреплять с помощью т.н. «мягкой силы» (Олимпиада-2008, Всемирная выставка в Шанхае и другие подобные мероприятия, распространение по миру сети «университетов Конфуция» и т.п.), а не путем демонстрации военной мощи.

Многое изменил разразившийся в конце 2008 г. глобальный финансово-экономический кризис. Преодолев его с наименьшими потерями по сравнению с другими ведущими мировыми экономиками и выйдя по ряду основных показателей на позиции второй державы мира, Китай испытал пьянящее чувство эйфории и головокружение от успехов.

На этом фоне некоторые последующие шаги его, включая форсированное усиление вооруженных сил, особенно военно-морских, трудно интерпретировать иначе, чем стремление заявить о растущей претензии на роль мирового «со-лидера». Последние события в районе Южно-Китайского моря можно трактовать и в таком ключе.

Вот почему декларируемое «возвращение» США в АТР, парадоксальное по своей сути на фоне принятой ими новой оборонной стратегии, постулирующей значительные урезания американских военных расходов, боевых сил и средств, следует расценивать не только как реакцию на ускоренный рост китайской военной мощи в регионе, но — принимая во внимание череду «взлетов и падений» в отношениях двух стран на всей протяженности их зигзагообразного развития — как столкновение их интересов вокруг проблемы будущего мироустройства.

Из четырех основных геополитических центров силы в сегодняшнем мире США как апологет однополярности относительно комфортно и уверенно чувствуют себя лишь в трех — Америке, Европе, в Центральной Азии и на Ближнем Востоке. Распространение влияния усилившегося Китая на Северо-Восток и Юго-Восток Азии вынуждает их на контрмеры. Мир глобализуется экономически, но политически он не един и не будет таковым в будущем, по крайней мере, обозримом. Это порождает противоречия.

Г. МУР. Я бы сказал, что окончание «холодной войны» забрезжило осенью 1989 г., когда не стало Берлинской стены. Однако, формально «холодная война» завершилась в момент официального роспуска Советского Союза — в полночь 31 декабря 1991 г., когда был спущен красно-золотой флаг СССР и поднят трехцветный флаг Российской Федерации¹. К этому я бы добавил, что кратковременный спад в отношениях между Китаем и США, открывший новую, продолжительную эру их усложненных отношений, начался 4 июня 1989 г., когда китайское руководство решило применить в Пекине силу против своего народа. (Этот эпизод часто называют «побоищем» или «инцидентом» на площади Тяньаньмэнь, хотя основные события происходили не на самой площади, а вокруг нее и на западе Пекина, в районе Мусиди)². Совершенно очевидно, что именно 4 июня 1989 г. было резко покончено с «негласным альянсом» между Пекином и Вашингтоном. Американо-китайские отношения в период с 1972 г. до конца 1980-х гг. действительно представляли собой негласный альянс — ЦРУ установило станции прослушивания в Западном Китае, недалеко от советского космодрома Байконур, США и Китай сотрудничали в разработке китайского истребителя нового поколения, США продавали Китаю суперкомпьютеры двойного (военного и гражданского) назначения и т.п. После 4 июня, когда США ввели санкции против Пекина, все это прекратилось. По логике реалистов, можно предположить, что именно окончание «холодной войны» и распад Советского Союза привели к прекращению негласного китайско-американского альянса, но в таком аргументе имеются две важных ошибки — одна логическая и одна хронологическая. Во-первых, хронологическая ошибка заключается в том простом факте, что процесс окончания «холодной войны» начался не раньше осени 1989 г. и, следовательно, он не мог послужить причиной изменения в отношениях между Китаем и США. Во-вторых, имеется логическая проблема. Доводы реалистов о том, что важную роль сыграл крах двухполюсной системы, а не события 4 июня, несостоятельны в силу нескольких причин. Джордж Буш-старший, пытаясь следовать политике реалистов в отношении Китая и сохранить с ним хорошие стратегические отношения, летом 1989 г. и несколько месяцев спустя направлял в Пекин своих эмиссаров Скоукрофта и Иглбергера, которым предстояло выправить ситуацию. Однако, Конгресс не принял подобных усилий и жестко призвал президента перейти к санкциям и выступить с резкой реакцией на действия китайского руководства 4 июня. «Эффект Си-Эн-Эн» еще более распалил страсти, что усилило давление на Вашингтон и заставило его выступить на стороне демонстрантов и осудить действия китайских властей. Именно с тех пор лидеры США при определении курса двусторонних отношений с Китаем стали регулярно обращаться к вопросу прав человека. В данном случае проблема состояла не в изменившемся распределении возможностей, а в изменении американского восприятия Дэн Сяопина и Китая, который в глазах многих американцев превратился из «Китая — беспокойного модернизатора» в «Китай — красную угрозу»³.

А. КРУШИНСКИЙ. На стыке XX—XXI вв. синхронно с геополитической катастрофой века — распадом СССР — возобновилось американо-китайское противостояние: в феврале 1990 г. заместитель госсекретаря США Иглбергер объявил, что антисоветская база политики США в отношении КНР более не существует, а в сентябре 1992 г.

1. Уточним, что днем прекращения существования СССР официально считается 26 декабря 1991 г., хотя некоторые учреждения и организации СССР еще продолжали функционировать в течение 1992 г.

2. See: Moore G.J., *Sino-American Dyadic Cultures: Enemies, Rivals, or Friends?* (Book manuscript in preparation for 2012 publication).

3. Madsen R. *China and the American Dream: A Moral Inquiry*. Berkeley; Los Angeles, 1995). P. 4.

президент Джордж Буш решил возобновить поставки оружия Тайваню (150 истребителей F-16 за 6 млрд долл.)

Мир становится все менее стабильным: множится число стран, располагающих ядерной бомбой, как и число региональных войн (Китай и Россия после 1959 г. провели по три, включая краткосрочный инцидент на Даманском, США — семь).

Л. ДИТТМЕР. Крах биполярной системы на рубеже 1980-х — 1990-х гг. совпал с распадом «стратегического треугольника» и ускорил его. Дело в том, что в результате событий на площади Тяньаньмэнь в мае 1989 г. с советско-китайской враждой было покончено, а США уже не нуждались в Китае как в стратегически полезном инструменте для сдерживания и без того трещавшего по швам СССР. В то же время подавление массовых выступлений на площади Тяньаньмэнь 4 июня весьма охладило китайско-американские отношения. С момента окончания «холодной войны» международная политика развивалась, в основном, без каких-либо стратегических построений, если не считать эфемерной и весьма спорной «однополярности».

А. ЛАРИН. На рубеже 1980–90-х гг. отказ советского руководства во главе с М.С. Горбачевым от идеологических антагонизмов во внешней политике позволил нормализовать отношения с КНР и установить с США новые, неконфронтационные отношения, воплощавшие, как тогда казалось, принципы взаимопонимания и доверия и сулившие в перспективе тесное экономическое и политическое партнерство. «Стратегический треугольник» еще раз обновился, и перед СССР встала непростая задача найти в нем свое место, еще более усложнившаяся, когда советскую сверхдержаву заменила более слабая Россия, руководству которой заведомо недоставало государственного и дипломатического опыта.

Стержневым направлением поиска сделался вопрос об отношении к западному миру, прежде всего США, тогда как подход к Китаю стал в известной мере производным от него. А именно, сторонники ориентации России на Запад относились к Китаю с глубоким недоверием, а противники — с надеждой найти в его лице опору для противостояния США и их союзникам. Сознание как позднесоветской горбачевской, так и новой российской политической элиты было глубоко пропитано «атлантическими» симпатиями. Их возникновение логически вытекало из тесного взаимодействия с США в деле устранения военной конфронтации двух сверхдержав, из равнения на западные образцы при проведении экономических и политических реформ в стране, из начавшегося широкого подключения России к мировому рынку и, наконец, из представления о том, что в условиях усиливавшегося распада экономики страны успех реформ и ее возрождение возможны только при помощи Запада. Огромные кредиты, которые Россия стала получать оттуда, казалось, подтверждали ее ожидания. Предполагалось, что Запад будет рад принять признавшую общечеловеческие ценности и демилитаризованную Россию в семью «свободных государств». В большинстве своем «атлантисты» отдавали себе отчет, что Россия не имеет шансов стать равноправным членом западного мира, что ее ожидает там лишь «асимметричное партнерство», но полагали, что даже такое положение для страны лучше, чем изоляция от Запада, фактически означающая конфронтацию с ним. Москва усиленно доказывала свою готовность иметь с Западом самые дружеские отношения.

Оказалось, однако, что надежды России стать для Запада «своей» и обрести гармоничное сосуществование с ним в духе «нового мышления» строились на глубоких политических заблуждениях. Предложение Москвы Вашингтону стать «стратегическими партнерами» принято не было. Такую же реакцию продемонстрировали США в ответ на инициативы Москвы, когда в начале 2000-х гг. она в одностороннем порядке понизила свой военный потенциал: сократила стратегические силы до 1500 боеголовки — ниже предела, предполагавшегося по договору ОСВ-3, а затем добровольно отказалась от станции электронной разведки на Кубе и военно-морской базы во Вьетнаме.

Политика США и НАТО на российском направлении обрела форму силового нажима, экспансии в зоны интересов России и вытеснения ее оттуда, подрыва ее безопасности и противодействия подъему. Россию вновь, как ранее Советский Союз, втягивают в разорительную гонку вооружений. Дальней задачей американской стратегии с достаточным основанием можно считать превращение России в слабосильное государство — сырьевой придаток Запада. Похоже, единственное, что удерживает НАТО от более радикальных действий в отношении России — это ее способность, будучи прижатой в угол, создать ядерную угрозу.

Э. МИЛЛЕР. В конце 1980-х гг. «китайский фактор» попросту перестал существовать. После распада СССР исчез основной мотив американо-китайских отношений — стратегическое сотрудничество, нацеленное против Москвы. С точки зрения Вашингтона, стратегическая полезность Китая ослабла, ибо оставалось все меньше возможностей использовать его для решения таких основных проблем глобальной повестки дня, как объединение Германии и Ближний Восток. При отсутствии общих стратегических интересов антисоветской направленности на передний план китайско-американских отношений вышли вопросы второго порядка — права человека, торговля, Тибет, и т.п. И, наконец, наиболее серьезный вызов США усматривали со стороны Японии — по крайней мере, до тех пор, пока ее дутая экономика не лопнула, как мыльный пузырь, и пока ЛДП не потерпела сокрушительное поражение.

Д. ДРЕЙЕР. Временное ослабление России после распада СССР в 1991 г. предоставило Китаю возможность обойти санкции на передачу ему военных технологий, установленные США после жестокого подавления гражданских демонстраций силами НОАК. Китай стал осуществлять крупные закупки советских вооружений, которые уже не требовались стране-производителю. Кроме того, китайские торговцы, умело используя расположение рынков советской эпохи, перемещались через границу и нередко оседали на Дальнем Востоке России. Китай стал охотно покупать российское сырье, необходимое для подпитки его бурной экономической экспансии. Отношения двух стран отнюдь не являлись альянсом — скорее, это было удобное партнерство. Оно не стало противовесом США и не внесло каких-либо фундаментальных изменений в однополярную структуру мира, сложившуюся в начале 1990-х гг. В действительности, трудная ситуация, в которой оказалась Россия после распада Советского Союза, побудила тогдашнего президента Ельцина к поиску возможностей улучшения отношений с США.

Э. ВОГЕЛЬ. Думаю, что после того, как США проиграли во Вьетнаме, в Советском Союзе поверили в возможность своей экспансии и не преминули ею воспользоваться. Однако довольно скоро такая экспансия «перенапрягла» силы СССР.

2. Подъем КНР в глобализирующемся мире: реален ли паритет с США?

Д. ДРЕЙЕР. В настоящее время Китай не обладает паритетом с США. Однако — и это, возможно, более важно — Вашингтон обращается с Китаем так, как будто такой паритет имеет место. Стало общепризнанным, что ни одна международная проблема не может быть решена без активного участия КНР. К китайской помощи стараются прибегнуть в решении проблем ядерного распространения в Северной Корее и Иране, а Пекин имеет возможность требовать компенсацию за свои услуги и иногда получает ее. Как отмечается в публичных комментариях Вашингтона, НОАК в плане боеспособности уступает военным силам США, но в закрытых дискуссиях американские военные откровенно признают, что им было бы трудно противодействовать вооружениям, которые в настоящее время разрабатываются и используются силами НОАК — например, таким как противокорабельные баллистические ракеты, противоспутниковое оружие, или истребитель J-20. Более того, в то время как НОАК наращивает потенциал, перспективы сопос-

такого совершенствования американских вооруженных сил представляются весьма проблематичными, ибо:

- американские ВС недоукомплектованы, поскольку военный призыв осуществляется исключительно на добровольной основе, что не позволяет привлекать дополнительный контингент;

- США, похоже, не могут выпутаться из ближневосточных проблем. Следовательно, внимание и ресурсы Америки концентрируются, главным образом, на Ближнем Востоке, а другим регионам мира соответственно уделяется меньше внимания;

- военный бюджет стал излюбленной мишенью представителей администрации Обамы, выступающих за снижение расходов. Были урезаны несколько программ, которые, по мнению военных специалистов, могли бы сыграть важную роль в обеспечении превосходства ВС США.

С другой стороны, нет никаких гарантий дальнейшего возвышения Китая. Симбиоз таких факторов, как экологическая деградация; население, недовольное партией и правительством и все более склонное к протестам против ощущаемых несправедливостей, старение трудоспособного населения, масштабная коррупция, доставляющие беспокойство национальные меньшинства и финансовая система, поставленная на весьма хрупкую основу — все это, как представляется, ограничивает перспективы неуклонного быстрого роста.

В то время, как СМИ КНР то и дело говорят о том, что США находятся в состоянии спада, некоторые китайские ученые полагают, что Америку не следует столь легко «списывать со счетов». Совсем недавно декан Школы международных отношений Пекинского университета Ван Цзисы выделил ряд факторов, обеспечивающих жизнеспособность американского общества — общие ключевые ценности, способность к технологической и социальной инновации, власть закона и терпимость к разнообразию.

В. ТРИФОНОВ. Развитие обстановки в мире во многом будет зависеть от того, как станут складываться взаимоотношения двух крупнейших государств — Соединенных Штатов, сохраняющих позиции наиболее мощной державы мира, и поднимающегося Китая. Станет ли мир свидетелем нарастающего противоборства между двумя гигантами, либо же эти две страны объединят усилия в создании — вместе со всем мировым сообществом — более справедливого и равноправного миропорядка, при котором учитывались бы интересы всех стран, и больших, и малых.

США сыграли важную роль в быстром экономическом подъеме Китая, осуществив крупные инвестиции в эту страну и оказав КНР техническое содействие по многим направлениям. По сути, можно говорить об «экономическом сращивании» двух держав. В Китае действует около 50 тыс. предприятий с американским капиталом. Торговля двух стран достигла в предкризисном 2008 г. 407,5 млрд долл. (около 440 млрд долл. в 2011 г.). Объем приобретенных Китаем в США ценных бумаг составил на данный момент астрономическую сумму — около 1,2 трлн долл., что является важным фактором поддержания на плаву американской экономики. В США обучается 157 тыс. китайских студентов, поставлена задача до 100 тыс. довести число американских студентов в КНР.

Неплохо складывались и политические отношения сторон, в том числе при администрации Дж. Буша-мл. Курс на тесное партнерство с Китаем был сразу же взят на вооружение администрацией Б. Обамы, к чему ее настойчиво подталкивало американское экспертное сообщество. Известными американскими политологами были выдвинуты теории G-2 и «кимерики», предполагавшие совместное с Китаем управление мировыми делами. В ходе ноябрьского (2009 г.) визита в Китай нового американского президента стороны договорились об осуществлении далеко идущих совместных усилий по регулированию мировых проблем, подчеркнули, что они «разделяют широкие общие интересы в Азиатско-Тихоокеанском регионе».

В то же время продолжающийся уже три десятилетия стремительный рост экономической и совокупной мощи Китая, включая увеличение его военного потенциала, вызывает все большую озабоченность в политических и военных кругах США, в американском Конгрессе, у американских союзников, в первую очередь Японии.

Особое беспокойство Вашингтон проявляет в связи с заметным усилением позиций Китая в Восточной и Юго-Восточной Азии, где КНР существенно потеснила Соединенные Штаты, как в экономическом, так и в политическом плане. Китай занял место США в качестве главного торгового партнера Японии, Южной Кореи, многих стран АСЕАН, Тайваня, играет активную роль в региональных организациях АТР, в жизни региона в целом. Дальнейшему упрочению позиций КНР в АТР способствовало вступление в силу с 1 января 2010 г. зоны свободной торговли между Китаем и АСЕАН, совокупные параметры которой составили 1,9 млрд населения, примерно 8 трлн долл. ВВП, 4,5 трлн долл. общего внешнеторгового оборота.

Не проявил Пекин особого интереса к идее американо-китайского дуумвирата, где КНР отводилась, по существу, подчиненная роль. Китай вновь подтвердил курс на независимость и самостоятельность, выразил несогласие с «гегемонией» какой либо крупной державы или группы держав. КНР также ясно дала понять, что не намерена подстраиваться под американские и западные воззрения в проведении своей внешней и внутренней политики, будет и дальше выстраивать собственную линию в вопросах прав человека, продвигаясь все дальше по пути демократизации (нельзя не заметить, насколько к лучшему изменилась жизнь в Китае в последние десятилетия).

Заметную остроту приобрели американо-китайские трения в торгово-экономической области, причем Вашингтон открыто обвинил Пекин в «недобросовестной практике» в сфере проведения валютно-финансовой политики. В жесткой форме были выдвинуты требования ревальвировать юань, реформировать в сторону либерализации и большей прозрачности китайскую банковскую сферу. Не менее жесткие претензии к США предъявила со своей стороны и КНР.

Серьезное беспокойство в США вызывают усиливающиеся военные возможности Китая, укрепление китайских ВМС с приобретением ими способностей выхода в открытый океан (что в значительной степени связано с необходимостью для КНР обеспечить защиту своих морских коммуникаций, путей доставки энергетических и иных ресурсов). В 2010 г. оборонный бюджет Китая вырос на 12,7% и составил, по официальным данным, 91,5 млрд долл. — второе место в мире после США (671 млрд долл.).

Все это побудило Соединенные Штаты довольно круто поменять свою стратегию, взять курс на противодействие дальнейшему усилению КНР. Провозглашена линия на «возвращение США в Азию» в опоре на своих традиционных союзников. Заявлено, что XXI в. будет тихоокеанским веком в политике США. Существенно активизировалась роль Вашингтона в региональных организациях АТР, США присоединились к тем из них, где они до последнего времени не участвовали. Задачи подкрепления позиций США в ряде ключевых стран региона преследовали ноябрьский (2010 г.) визит президента Б. Обамы в Индию, Индонезию, Южную Корею и Японию, его заявления в рамках последних (ноябрь 2011 г.) саммитов АТЭС, АСЕАН, Восточноазиатского саммита на Бали, визитов в Индонезию и Австралию, а госсекретаря на Филиппины.

Эта линия была подкреплена предпринятыми Соединенными Штатами в последнее время масштабными шагами по дальнейшему укреплению своего военного и политического влияния в АТР. 6 января 2012 г. президент Б. Обама изложил в Пентагоне новую военную стратегию США, центром тяжести которой станет Азиатско-Тихоокеанский регион.

В целом предусматривается усиление военно-морской и военно-воздушной компоненты американской политики на Тихом океане; дальнейшее развертывание широко-

масштабной глобальной и нацеленной на Восточную Азию региональной системы ПРО; укрепление военных баз на о. Гуам и на Окинаве; увеличение военной помощи американским союзникам в АТР. Создается, по сути, новый мощный военный комплекс в юго-восточной части Тихого океана — размещение 2500 морских пехотинцев в Дарвине (Австралия) с определенным количеством флотских и авиационных соединений, опорные пункты на Филиппинах, в Сингапуре и Новой Зеландии. По мнению многих политологов, вся эта деятельность осуществляется с явным прицелом на Китай и на регион Южно-Китайского моря, где США берут линию на открытое противостояние КНР.

Как противовес имеющимся в АТР региональным организациям расценивают китайские эксперты активно продвигаемую в последнее время Соединенными Штатами идею Транстихоокеанского партнерства.

О том, что Вашингтон не собирается отказываться от своей линии в столь чувствительном для КНР тайваньском вопросе, Пекину говорят очередные, осуществленные уже администрацией Б. Обамы продажи Тайваню новейших американских вооружений на сумму 6,4 и 5,85 млрд долл.

Указанные шаги Соединенных Штатов, судя по китайской реакции, рассматриваются в КНР как серьезный вызов, требующий адекватного ответа с китайской стороны.

В то же время очевидно, что Вашингтон и Пекин хотели бы избежать серьезного ухудшения отношений, учитывая сложившуюся между ними в последние десятилетия глубокую экономическую и политическую взаимозависимость. Показательны итоги состоявшегося 18–21 января 2011 г. визита в США председателя КНР Ху Цзиньтао. Стороны договорились не обострять взаимоотношения, подчеркнули важность конструктивного взаимодействия для поддержания мира и стабильности на мировой арене. Подтверждена их приверженность «строительству позитивных, основанных на сотрудничестве и всесторонних китайско-американских отношений в XXI веке». Американская сторона подтвердила, что она «приветствует сильный, процветающий и успешный Китай, играющий еще большую роль в мировых делах». Китайская сторона заявила, что «приветствует Соединенные Штаты в качестве азиатско-тихоокеанского государства, которое вносит вклад в дело мира, стабильности и процветания региона». Стороны договорились «работать вместе» с тем, чтобы «поддержать усилия по строительству более стабильного, мирного и процветающего Азиатско-Тихоокеанского региона в XXI веке», проявили готовность к взаимодействию и сотрудничеству по широкому спектру международных проблем.

Данные договоренности были закреплены и дополнены в ходе состоявшегося 9–10 мая 2011 г. в Вашингтоне третьего раунда китайско-американского стратегического и экономического диалога, для участия в котором в США прибыла представительная китайская делегация. Отдельный разговор состоялся между военными представителями сторон в целях укрепления сотрудничества по военной линии, «налаживания большего взаимопонимания и уменьшения взаимной подозрительности» в вопросах военной деятельности. Подписан ряд важных документов и договоренностей о расширении сотрудничества по многим направлениям и областям, включая так называемые «Всесторонние рамки содействия мощному, продолжительному и сбалансированному росту экономики и экономического сотрудничества между Китаем и США». Было также решено создать специальный механизм американо-китайских консультаций по делам АТР, который уже приступил к работе.

Попутно следует отметить, что предпринимаемые время от времени попытки вовлечь в схемы «сдерживания» Китая Россию под предлогом растущей для нее «китайской угрозы» вряд ли приемлемы для нашей страны. Россия последовательно проводит сбалансированную, многовекторную политику на мировой арене, стремится развивать взаимовыгодные отношения со всеми готовыми к этому странами, включая, разумеется, и Соединенные Штаты, активно откликнулась на предложение о «перезагрузке» россий-

ско-американских отношений. Сложившиеся в последние годы прочные отношения сотрудничества и взаимодействия с КНР — нашим ближайшим соседом и партнером — отвечают коренным интересам обеих сторон, являются для них надежным тылом в нынешней непростой международной обстановке.

Г. МУР. Китай — растущая держава и в грядущие десятилетия, вероятнее всего, станет сверхдержавой. Это представляется неоспоримым. Однако в настоящее время Китаю далеко до паритета с США в экономической или военной области. В 2010 г. ВВП Китая достиг 5,9 трлн долл., а ВВП США — 14,6 трлн долл., что в пересчете на душу населения составило 4 393 долл. в Китае и 47 192 долл. в США (по данным Всемирного банка). Если говорить о военной области, то США обладают самыми передовыми в мире военными, космическими и компьютерными технологиями и ежегодно расходуют на военные нужды порядка 741 млрд долл., или 5,2% своего ВВП, а военные расходы Китая составляют 380 млрд долл., или 4,3% ВВП (данные 2007 г., Global Security.org).

А. ЛАРИН. Американо-китайские отношения, как и российско-американские, носят четко выраженный конфронтационный характер, однако, их содержание — существенно иное. Оно обусловлено непрерывным и быстрым подъемом экономической и военной мощи КНР, благодаря которому Китай постепенно догоняет США, бросая вызов их доминированию в Восточной Азии, а в перспективе — оспаривая их положение мировой державы № 1.

Первоочередная задача Пекина — установить контроль над омывающими Китай морями, чтобы, во-первых, в максимальной мере обеспечить безопасность проходящих через них жизненно важных для страны транспортных артерий. Во-вторых, получить возможность изолировать Тайвань на тот случай, если тайваньская проблема вдруг войдет в критическую фазу, и китайскому руководству придется принимать решение о применении силы, поскольку объединение родины остается для КНР одной из самых приоритетных национальных задач. В-третьих, занять преобладающие позиции в спорах о принадлежности архипелагов, особенно тех, чьи недра потенциально богаты нефтью (Парасельские, Дяоюйдао-Сэнкаку).

Решение названной задачи неизбежно предполагает вытеснение США из прилегающего к Китаю пространства: ограничение свободы маневрирования американских морских и воздушных сил, подталкивание азиатских союзников Вашингтона к большему учету китайских интересов и постепенной переориентации с Вашингтона на Пекин.

О том, что Китай действительно ставит перед собой такие цели, свидетельствует, например, категорический отказ китайских руководителей от американского посредничества в улаживании споров относительно принадлежности островов в Южно-Китайском море. Или такой мелкий, но показательный факт, как организованный китайской стороной демонстративный инцидент — попытка воспрепятствовать движению американского гидрографического судна вблизи о. Хайнань в 2009 г.

В более широком стратегическом плане рост военных расходов Китая, кардинальная модернизация армии — при том, что нынешняя мощь уже гарантирует безопасность страны — означают, что Пекин считает необходимым для себя быть готовым к любому крупному конфликту. При этом особое внимание придается строительству современных военно-морских и военно-воздушных сил.

Э. МИЛЛЕР. КНР утверждается сейчас как держава среднего порядка, и ей еще далеко до достижения глобального масштаба мощи США. Представляется, что ее военная модернизация пока еще нацелена не на достижение имеющихся у США возможностей глобального проецирования мощи, а на ослабление вероятности интервенции в Тайваньский пролив и на решение проблем в контексте милитаризации Азии. Китай — воистину, срединное царство — окружен несколькими крупными державами (Япония, Индия и Россия) и несколькими странами поменьше (Южная Корея и страны АСЕАН).

Его растущие глобальные экономические интересы требуют наличия определенных возможностей для обеспечения доступа к крайне необходимым ресурсам, но при этом имеется очень мало оснований предполагать вероятность каких-либо усилий со стороны Китая, направленных на вытеснение США.

А. БОЛЯТКО. В настоящее время китайско-американские отношения оказывают существенное влияние на перспективы и форматы современного международного сотрудничества. Конструктивный диалог между руководством двух стран, начавшийся в 1972 г., продолжал развиваться в 1980-е и 1990-е гг. и, несмотря на существенные разногласия по ряду стратегических вопросов, отмечен в настоящее время духом реального партнерства. Сегодня эти страны объединяет товарооборот около 450 млрд долларов, двусторонние связи на уровне правительственных учреждений, органов представительной власти, экономических структур и общественных организаций. Достижением последнего времени в американо-китайских отношениях явилось создание по решению глав государств двух комиссий высшего уровня — для рассмотрения стратегических и экономических вопросов сотрудничества, которые вскоре были объединены в одну. Не исключено, что указанное объединение явилось следствием недостатка вопросов стратегического характера, которые стороны, в первую очередь китайская, склонны обсуждать.

Экономическое развитие стало главным приоритетом КНР, а ее внешняя политика отмечена стремлением сохранить стабильность на региональном и глобальном уровне. Поэтому позиция китайского руководства заключается в выстраивании продуманного взаимодействия с мировым сообществом и интеграции в международный рынок. США как безусловный лидер процессов формирования глобального, технологического, информационного и финансового пространства и один из главных политических центров на мировой арене представляет чрезвычайный интерес для китайской стороны.

В отношениях России с Китаем и США в течение длительного времени муссировались ложные тезисы, в том числе:

- о реальной угрозе ядерного нападения США на РФ;
- об угрозе экономической, демографической и т.п. экспансии Китая на территории РФ.

В наследство от СССР нам досталось большое количество мифических представлений, которые составляли основу идеологического и политического механизма страны, в том числе, ее внешней политики.

Эти мифы, включая так называемый «классовый подход», настолько сильно укоренились в общественном сознании и в умах многих руководителей страны, что потребуются длительный срок, а может быть, смена поколений, прежде чем это сознание и умы очистятся от фальшивых представлений об угрозах, уяснят суть национальных интересов России, и выстраивать ее внутреннюю и внешнюю политику можно будет на этой базе.

Одним из губительных для страны проявлений этих представлений явилась безудержная гонка вооружений, развитие военно-промышленного комплекса в ущерб национальной экономике.

Указанное обстоятельство влияло и на выстраивание отношений с Китаем и США, в том числе, в трехстороннем режиме. Хотя для Китая характерным явилась демонстрация своей позиции по проблемам войны и мира в основном на словах, не сопровождая их масштабными военными приготовлениями. Страна довольствовалась заимствованиями зарубежного вооружения, собственный уровень разработки и производства вооружения и военной техники был относительно невысок.

Конечно, нельзя быть безоружным. Однако опыт послевоенного развития говорит о лимитах вооружения и резонансе ширококомасштабных военных действий в рамках отношений трех стран. Китай демонстрировал в этом отношении образец разумного и экономного расходования материальных ресурсов.

Сдерживающий ядерный фактор в отношениях СССР и США существовал в полном объеме уже в начале 1960-х гг., хотя у СССР было около 300 обеспеченных носителями ядерных боеприпасов, а у США в 17 раз больше.

Такая же ситуация сложилась в отношениях СССР—КНР, особенно после 1964 г., когда у Китая появилось ядерное оружие, количество которого с тех пор поддерживается на демонстративно низком уровне.

В этом смысле как не было реального паритета СССР и США, так нет и не будет реального военного паритета между США и КНР.

Любые противоречия в «треугольнике» США—РФ—КНР могут разрешаться на дозированном минимальном уровне применения обычной военной силы.

Это подтверждает отказ Китая от любых переговоров об ограничении ядерного оружия до тех пор, пока США и Россия не сократят объемы собственных его арсеналов до уровней, сопоставимых с китайским.

Л. ДИТТМЕР. Пока нет. Амбиции КНР еще не обрели глобального измерения и в данный момент, по существу, ограничены рамками Азиатско-Тихоокеанского региона. Но даже в региональном масштабе Китаю приходится считаться с Японией и Индией. Да, экономический рост Китая, который после вступления в ВТО в 2001 г. получил мощную подпитку в форме внешних инвестиций в экспортные отрасли, действительно впечатляет, но в нем заложен потенциал грядущего проецирования военной мощи, которое может осложнить дальнейшую экономическую экспансию. Возвышение Китая также будет осложняться необходимостью определить, хочет ли он изменить мир, и если да, то какими методами. До сих пор его амбиции, по сути, сводились к собственному подъему и, за исключением нескольких общих заявлений, не сопровождалась изложением каких-либо пространных мировых планов.

С. ТРУШ. Говоря о сегодняшнем дне, я не думаю, чтобы концепты «треугольника» были очень продуктивны для понимания всей полноты интересов, существующих между США, КНР и РФ. В отличие от ситуации 1960-х—1970-х гг. острота конфронтационности этих стран заметно снижена и проблема безопасности не стоит в центре их взаимодействия. Ныне их связывает гораздо более сложная ткань конкурентных, конфликтных, равно как и сближающих, взаимодополняющих мотиваций. Так, реальность экономической взаимозависимости, наличие тесной макроэкономической и финансовой связи, существующей между Китаем и США, накладываются на сохраняющиеся, порой острые противоречия между ними в геополитической и военных сферах. Логикой треугольных коалиций трудно объяснить, например, тот факт, что Китай держит в валюте и ценных бумагах своего «противника» львиную долю своей экспортной выручки, значительную долю ВВП, ставя себя, тем самым, в сильную зависимость от западных биржевых площадок. Сложно оценить однозначно и вектор идеологического взаимодействия между КНР и США: очевидные взаимоисключающие ценности — коллективизм и индивидуализм, государственническая идеология и права человека — эклектически соседствуют с разделяемыми по обе стороны Тихого океана ценностями рыночной экономики, частного предпринимательства, идеологии потребительства. Сама модель экономического развития КНР носит эклектический характер, и привлекая, и отвергая американский опыт.

Если говорить о российско-китайских связях, то для них характерны отсутствие в настоящий момент острых военно-политических противоречий, очевидное созвучие интересов экономического роста и модернизации («соразвитие»), совместное продвижение миропорядка в сторону многополярности, на реформирование мировой экономической архитектуры, налицо близость позиций по целому ряду региональных конфликтов. Эти позитивы, вместе с тем, сочетаются с пугающим провисанием реальных экономических связей, с отсутствием встроенных механизмов и опор взаимозависимости, в отличие от ситуации между Китаем и США. Россию беспокоит и другой важный вопрос:

формула сочетания российских и китайских интересов в развитии Дальнего Востока РФ на данный момент не найдена. Существуют проблемы во взаимоувязке энергетических стратегий РФ — масштабного производителя углеводородов в Евразии, и КНР — их масштабного потребителя.

Наконец, между РФ и США также налицо широкий спектр как взаимосближающих интересов — модернизация, инновационное развитие, контроль над ядерным нераспространением, глобальные проблемы человечества, так и очевидных диссонансов: военно-стратегический паритет, региональные противоречия, понимание демократии, отношения в СНГ.

Накрывать всю палитру такого рода интересов и мотиваций концептом «треугольника» с очевидным акцентом на военно-стратегическую сферу, проблематику безопасности вряд ли обоснованно. Даже сама эта безопасность понимается всеми тремя «центрами силы» далеко не так, как это имело место в 1970-е гг. Сейчас однозначно в нее включены и экономические компоненты (жизнеспособность экспортоориентированной экономической модели КНР и американской модели общества потребления, доступ к мировым рынкам сбыта и сырья, стабильность ценообразования и финансовой архитектуры) и другие составляющие.

Э. ВОГЕЛЬ. КНР не имеет ни военного паритета с США, ни открытого влияния в мире. Привлекательность американских университетов и «мозговых центров» намного превосходит любые возможные достижения Китая в ближайшие несколько лет.

А. ДАВЫДОВ. Существует ряд прогнозов, в основном — китайских, согласно которым КНР в ближайшие 25–30 лет не только догонит, но обойдет Америку по многим важнейшим экономическим параметрам, причем по отдельным из них китайское преимущество будет чуть ли не трехкратным. Подобную точку зрения пропагандирует и отстаивает, в частности, известный китайский экономист, профессор Ху Аньган.

Представляется, что слабость таких прогнозов состоит в выстраивании их, исходя из неких идеальных условий, без учета существования целого ряда негативных факторов, замедляющих или тормозящих развитие.

К внутренним можно причислить нехватку ресурсов, природные и экологические катаклизмы, другие обстоятельства объективного и субъективного характера, включая возможность возникновения внутривнутриполитических проблем.

Одновременно игнорируется или недооценивается влияние и воздействие разнообразных внешних сил. Не секрет, что многие страны, мягко говоря, не в восторге от стремительного возвышения и выхода Китая на позиции второй экономики мира. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов, что резерв экономического роста запредельными темпами у КНР не бесконечен. В экстенсивном формате он себя уже почти исчерпал. К тому же, расти будет не только догоняющая китайская экономика, но и догоняемая американская.

«Большие скачки» — специфика чисто китайская. Но даже если втрое уступающий американскому ВВП КНР через несколько лет превзойдет его по объему, чтобы сравняться с США по показателю ВВП на душу населения, Китаю, по некоторым оценкам, понадобится более века.

Ресурсы Китая далеко не беспредельны, а ограничены уже сегодня. Чтобы обеспечить искомый рост, ему необходимы резервы извне, причем в таких количествах и объемах, что продолжение его роста планируемыми темпами объективно создаст барьер на пути развития остального мира.

Нечего и говорить о том, что сталкивать страну на обочину с ее поступательного пути могут удручающее состояние экологии и большое количество бедноты в сельских районах и отсталых окраинах, которая так и не вкусила в полной мере плодов модернизации за 30 с лишним лет реформ, доставшихся, в основном, жителям крупных городов и населению приморских зон.

Понятие паритета включает помимо экономической и другие составляющие. В военном отношении догнать США Китаю будет еще труднее, чем в экономике. Осознавая это, он пока не ставит такой цели, хотя по оборонным расходам уже вышел на второе место в мире.

Важными показателями являются уровни развития науки и техники, образования и культуры. Прогресс в этих сферах в Китае налицо. В стране действует большое количество университетов и других вузов высокого уровня, с каждым годом все больше китайских студентов и аспирантов получают возможность обучаться или стажироваться за границей, преимущественно на Западе. Многие из них остаются жить и работать за рубежом. Те, кто возвращается, усиливают научный и технологический потенциал страны.

Повышение научно-технического и образовательного уровня, глобальная притягательность национальной культуры напрямую связаны с ростом авторитета и влияния страны на мировой арене. Китай прилагает для этого особые усилия, но их эффект, к сожалению, пока не вполне компенсирует масштабы затрат. Славившийся в древности великими изобретениями и открытиями, сегодня он мало что может предложить остальному миру в плане современных новаций и прорывных технологических идей, оставаясь преимущественно «фабрикой-имитатором» продукции зарубежных фирм и непревзойденным мастером промышленного шпионажа и бытового контрафакта.

Относительным достижением Китая с точки зрения культурной экспансии является распространение в мире ресторанов китайской кухни, сопоставимое с «гамбургерной глобализацией» по-американски. Другие сферы культурного влияния страны не так успешны. Тому есть и объективные причины. Важнейшим инструментом такого влияния является язык. Хотя по распространенности китайский находится на втором месте в мире, в силу его специфики (иероглифика, фонетические тона и пр.) им труднее овладеть, чем английским. Произведения литературы, кинематографа, китайская музыка значительно уступают западным в мировом рейтинге популярности.

Объективная оценка приведенных выше параметров не дает оснований Китаю рассчитывать в обозримой перспективе на достижение паритета с США.

В. Контуры грядущего миропорядка

1. Влияние взаимозависимости и конфликтного потенциала в отношениях США и Китая на перспективы будущей структуры мира

В. ТРИФОНОВ. Нынешний мир вступил в этап глубочайших перемен, канула в вечность биполярная система, не выдерживают испытания временем претензии на единоличное управление мировыми делами, не без трудностей, но идет процесс становления новой, полицентричной системы международных отношений.

Одним из знаковых явлений, меняющих мировой экономический и политический ландшафт, стало появление группы так называемых «возвышающихся» государств, главной особенностью которых являются сравнительно быстрые темпы развития их экономики. Речь, прежде всего, идет о механизме БРИКС, объединившем пять стран — Бразилию, Россию, Индию, Китай, ЮАР. Отличительной особенностью этих стран является то, что они больше не согласны мириться со сложившейся несправедливой мировой финансово-экономической системой, порождающей все новые и новые кризисы, выступают за формирование рационального и справедливого миропорядка, при котором обеспечивались бы интересы всего мирового сообщества, а не только группы развитых государств.

Уже сейчас на долю входящих в БРИКС государств приходится свыше 25% мирового ВВП (по паритету покупательной способности национальных валют), 30% территории Земли, 45% населения мира. В настоящих условиях страны БРИКС обеспечивают — в силу более высоких темпов их экономического роста — свыше 50% прироста

мировой экономики. Ожидается дальнейшее повышение их удельного веса, так как «пятерка» развивается более высокими темпами, чем среднегодовые темпы подъема мировой экономики.

Повышается значение регионального фактора в регулировании мировых проблем. Такие структуры как ЕС, АТЭС, АСЕАН, ШОС и другие все больше берут дела региона в свои руки, появляются новые механизмы коллективного реагирования — «Группа 20», БРИКС, ШОС, РИК и др.

Характерной особенностью всех этих механизмов и объединений является то, что они не ставят перед собой каких-либо «революционных» целей, задачи создания замкнутых группировок, союзов, направленных против третьих стран, предпочитают действовать в тесном сотрудничестве с другими странами и партнерами — Соединенными Штатами, ЕС, Японией, странами СНГ, АСЕАН, развивающимися странами Азии, Африки, Латинской Америки — в направлении совместных поисков коллективных решений злободневных проблем современности, выработки конструктивной программы действий по стабилизации мировой экономики, созданию гармоничного мирового порядка.

Развернувшиеся процессы глобализации, наряду со многими преимуществами, которые они несут, породили новые опасности и факторы риска, изменив характер существовавшей открытой угрозы между Западом и Востоком на опасность менее осязаемую, непредсказуемую, но от этого не менее грозную. Набирают силу новые, нетрадиционные, вызовы, грозящие взорвать мир и требующие совместных действий всего мирового сообщества для их преодоления.

По оценкам многих ведущих мировых аналитических центров, в ближайшие десятилетия геополитическая ситуация в мире — если не предпринять решительных мер — будет и дальше ухудшаться по мере возрастания угрозы со стороны международного терроризма, исламского фундаментализма, радикализации среднего класса и появления новых опасных наукоемких видов вооружений.

Вместе с тем, в мире постепенно крепнет понимание, что обеспечить стабильный и безопасный мир можно только объединив усилия мирового сообщества. На «мир и развитие» нацелена основополагающая внешнеполитическая установка Китая. С идеей выработки объединительной повестки дня для всего мирового сообщества активно выступает Россия. О необходимости «концерта держав» заговорили в США. Тем самым складываются предпосылки для формирования нового, более совершенного и справедливого миропорядка.

Путь к этому будет не простым. К сожалению, мир продолжает сталкиваться с сильнейшим противодействием «непримиримых», упорно не желающих считаться с новыми реалиями международной жизни, отказываться от установок на мировое доминирование, пытающихся «раскачать» и так уже нестабильный мировой порядок.

Серьезную напряженность вызывают участвовавшие конфликты между различными странами, нарастающие в мире протестные движения — как следствие острого недовольства жизнью, оживившиеся территориальные споры. Нередко подобные ситуации используются как предлог для вооруженного вмешательства извне. При этом попытки «наказать» того или иного неугодного лидера оборачиваются гибелью десятков и сотен тысяч ни в чем не повинных мирных жителей, огромными материальными разрушениями.

Все большую остроту приобретают цивилизационно-нравственные аспекты современного общества, нарастающие религиозно-этнические конфликты, проповедь насилия, аморализма, заполонившие буквально все виды литературы и искусства, втягивающие в свою орбиту все более широкие слои молодежи. На повестке дня — признание плюрализма ценностей, культурных программ и моделей политического и экономического устройства, в чем немалая роль принадлежит странам Азии, Африки и Латинской

Америки с их вековыми гуманистическими традициями и культурой. В целом же вопросы мирного сосуществования религий, содружества, а не столкновения цивилизаций требуют самого внимательного отношения со стороны мирового сообщества.

Нельзя не отметить еще один важнейший геостратегический сдвиг — постепенное смещение вектора мировой политики и экономики в Азиатско-Тихоокеанский регион. Становится очевидным, что значение этого региона в формировании нового мирового порядка будет и дальше неуклонно возрастать. На данный момент это самый быстроразвивающийся регион мира, показавший свою устойчивость в условиях нынешнего финансово-экономического кризиса. Именно ряд стран АТР, прежде всего Китай, Индия, Индонезия стали одними из главных сил по выводу из кризиса мировой экономики.

В последние десятилетия в АТР сформировались и действуют такие крупные региональные форумы и механизмы как АТЭС, АСЕАН, АРФ, Восточноазиатский саммит (ВАС), Диалог по сотрудничеству в Азии (ДСА), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), которые в немалой степени способствовали стабилизации и экономическому подъему региона, укреплению партнерства между странами АТР. Как известно, Россия недавно выступила с идеей создания Евразийского союза, который начинает приобретать реальные контуры.

В то же время все более остро ощущается отсутствие универсального механизма, в задачу которого входило бы комплексное рассмотрение политических и экономических проблем АТР, обеспечение безопасности и стабильности. В последнее время и здесь происходят позитивные сдвиги. В частности, широкую поддержку встретила идея использовать — в качестве общерегиональной площадки, ключевого форума для нахождения путей решения политических и стратегических вопросов в АТР — механизм Восточноазиатских саммитов (ВАС), к которому в октябре 2010 г. присоединились США и Россия.

Не следует, очевидно, закрывать глаза на все более заметную обеспокоенность в странах АТР по поводу возможного усиления американо-китайского противоборства. Против этого предупреждает в своей новой книге «О Китае» такой опытный и дальновидный американский политик как Г. Киссинджер. По его твердому убеждению, основанные на сотрудничестве отношения между США и Китаем «необходимы для глобальной стабильности и мира», а новая «холодная война» и конфронтация между ними имели бы самые непредсказуемые последствия для самих этих стран и всего мира.

Г. МУР. США и Китай в большой степени зависят друг от друга. По данным статистики Государственного таможенного управления КНР, в 2010 г. объем их двусторонней торговли достиг 385,3 млрд долл. Более того, Китай является держателем ценных бумаг США на сумму порядка 1,6 трлн долл. (данные за июнь 2010 г.) и ценных бумаг Казначейства США на сумму 1,17 трлн долл. (на июнь 2011 г.), что составляет 25,9% всех авуаров в иностранной валюте¹. Даниэл Дрезнер показал, что несмотря на столь беспрецедентную зависимость США от Китая, он не получил ни влияния, ни рычагов воздействия на Вашингтон, которые заставили бы США идти на поводу у Пекина². Дело в том, что и Китай находится в сильной зависимости от США: он осуществляет крупный экспорт в Америку, огромная часть его инвалютных резервов выражена в долларовых активах, и Китаю, как и любому крупному игроку в международной экономике, нужна добрая репутация, рисковать которой для него непозволительно. Следовательно, если бы Китай решил использовать финансовые рычаги давления на США для достижения соб-

1. Morrison W., Labonte M. China's Holdings of US Securities: Implications for the US Economy. Congressional Research Service RL34314 (September 26, 2011).

2. Drezner D. Bad Debts: Assessing China's Financial Influence in Great Power Politics. International Security. 2009. Vol. 34, No. 2. P. 7–45.

ственных политических целей (например, стал бы угрожать демпингом имеющихся у него ценных бумаг США для дестабилизации их экономики в наказание за американскую поддержку Тайваня в случае кризиса), то это было бы равносильно безрассудной ядерной бомбардировке, в результате которой и бомбардировщик, и жертвы атаки будут накрыты ядерным облаком. Разумеется, та же логика действует и в обратном направлении. США оказались бы в весьма неудобной позиции, если бы стали противником своего банкира в каком-либо серьезном международном кризисе.

Все это означает, что взаимное проникновение Китая и США в жизнь друг друга действительно не имеет прецедентов в других сценариях перемещения мощи. В данном случае представляется, что либеральные сторонники подхода к международным отношениям с точки зрения сложной взаимозависимости правы в том, что такая взаимозависимость препятствует конфликту сторон в сфере безопасности (но не может полностью предотвратить его), ибо она многократно повышает стоимость конфликта.

Если в грядущие годы между Китаем и США возникнет какой-либо конфликт, он будет иметь огромные последствия для глобальной экономики и международного порядка. Что касается его влияния на глобальную экономику, то США и Китай занимают соответственно первое и второе места в мире по объемам ВВП и получаемых прямых иностранных инвестиций, лидирующие позиции в мировой торговле, и в совокупности на их долю приходится почти 25% мирового населения. Любая война или торговая война между ними вызовет потрясение мировой экономики. Если говорить о влиянии китайско-американского конфликта на мировой порядок, есть множество сценариев, которые позволили бы с той или иной степенью уверенности определить его последствия, но любая война между этими двумя странами — будь то за Тайвань, Корею, Японию или за что угодно — крайне дестабилизирует ситуацию в регионе и может нарушить торговлю и обращение капиталов во всем мире. Она может привести к новому виду «холодной войны», которая заставит друзей и партнеров США и Китая выбирать между ними. Она, скорее всего, парализует Совет Безопасности ООН, где Китай и США имеют право вето, как это было почти на всем протяжении «холодной войны» между США и СССР. В наступившем веке Китай и США, несомненно, представляют собой наиболее важную диадку в международных отношениях.

А. ЛАРИН. Процесс наращивания совокупной национальной мощи Китая не остановить. Перспектива превращения КНР в одного из двух мировых лидеров представляется бесспорной. Создадут впоследствии США и Китай некое подобие кондоминиума или нет — сегодня обоснованному прогнозу не поддается.

США выдвигают в качестве стратегической цели укрепление и сохранение своих позиций в мире и одновременно сдерживание Китая, которое подразумевает меры, способные замедлить его развитие. Для этого в распоряжении Соединенных Штатов имеются два ресурса.

Первый — огромный научно-промышленный потенциал, позволяющий им идти во главе мирового технического прогресса и создавать все более совершенные виды оружия, в том числе ракетно-ядерные ударные комплексы и системы противоракетной обороны. Китай в этом отношении далеко отстает от США, которые ограничивают продажу ему новейших и высоких технологий.

Второй ресурс — система противостоящих Китаю военно-политических союзов, совершенствованием которой Вашингтон занимается постоянно. Концепция «возвращения в Азию» призванная усилить военное присутствие США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, уже начала воплощаться в жизнь, примером чего служат договоренности о создании базы морской пехоты в Австралии и о базировании американских боевых кораблей в Сингапуре.

В меру возможностей США вместе с Западной Европой пытаются подталкивать Китай в сторону демократизации, используя для этого тему прав человека. Однако возможности у Запада здесь крайне невелики. Главное — даже если в грядущем в КНР произойдет смена политической системы («буржуазное перерождение»), едва ли это смягчит его геополитическую конфронтацию с США.

Нелишне заметить, что действия США в составе или при поддержке НАТО, ущемляющие интересы России, в значительной степени являются таковыми и по отношению к КНР. Это — шаги, предпринятые с целью утвердиться на Ближнем Востоке и в Средиземноморье, откуда Китай получает нефть, а также в странах Центральной Азии — стратегически важном районе вблизи российских и китайских границ. Операция в Ливии в 2011 г. представляла собой явную попытку нанести удар по экономическим интересам России и Китая в этой стране, включить ее в сферу влияния Запада. Эта операция означает, что новым направлением китайской политики Вашингтона становится отеснение Китая от его ресурсных источников.

Углубление геополитических противоречий — обозначившаяся тенденция в китайско-американских отношениях. Ее сопровождают серьезные трения, связанные с торговым дисбалансом и проблемой девальвации юаня. Вместе с тем, зависимость Китая от американских технологий и инвестиций и встречная зависимость США от китайского рынка сбыта современной техники и от китайских товаров массового спроса, а также китайские вложения в американские долги, которые на самом деле почти невозможно потребовать — все это создает основу для экономического взаимодействия, которое сдерживает развитие противоречий и обуславливает стабильность двухсторонних отношений.

Л. ДИТТМЕР. Похоже, мы продвигаемся к формированию структуры согласованных действий, известной как “концерт держав”, при относительном ослаблении старых развитых «полосов» (ЕС, США) и подъеме таких растущих стран как Бразилия, Южная Африка, Индия, Турция, и т.д. Китай хотел бы стать лидером данной группы стран, но не вполне ясно, вызывает ли такое стремление единодушный восторг остальных. Создается новый мир, более гибкий, но в то же время более изменчивый и нестабильный, чем прежняя биполярная структура.

До сих пор процесс перемещения мощи удавалось успешно контролировать. Однако сейчас появились признаки того, что Китай движется “на двух скоростях” — одна используется в ходе его возвышения, после чего появится новый, более наступательный Китай: переходная культура как противовес целевой культуре.

А. ДАВЫДОВ. Развитие торгово-экономических связей между КНР и США на протяжении четырех десятилетий вылилось в тесную взаимозависимость: США от Китая как крупнейшего импортера, а Китая от США как крупного кредитора и держателя американских долговых обязательств. Глобальный кризис 2008–2009 гг. сделал ее еще сильнее.

На предложение Вашингтона Пекину в конце 2009 г. о «дуумвирате», в котором «партию первой скрипки» США безоговорочно оставляли за собою, последовал резкий отказ. Отверг Китай и выработанную Госдепом и Советом национальной безопасности США т.н. «формулу стратегического заверения», призывавшую его в обмен на статус глобальной державы «убедить мировое сообщество, что КНР не стремится угрожать его безопасности и благополучию».

Однополярный мир под эгидой США неприемлем для Китая, как и любые формы альянса с Америкой, где ей отводится главенствующее, а ему вспомогательное место. Обе державы руководствуются одинаково укоренившимся в их национальном сознании постулатом собственной избранности и предопределенности их роли как ведущих мировых цивилизаций.

Между США и Китаем сохраняются серьезные разногласия и противоречия, затрагивающие сферы политики, экономики, торговли, экологии, военную и гуманитарную

области, подходы к решению ряда локальных, региональных и глобальных проблем. При этом обе страны считают свои двусторонние отношения самыми важными в мире, влияющими на все основные мировые процессы.

Вполне естественно, что расширение рамок китайско-американского диалога увеличивает вероятность пересечения и столкновения сфер интересов двух стран. Быстрый экономический рост заставляет Китай искать дополнительные источники ресурсов, технологических новаций и инвестиций и одновременно защищать свои интересы на этом поприще, в том числе на пути военного усиления.

Это не говорит, однако, о том, что он готовится к внешней экспансии и открытому конфликту с США. Нынешнему, да и следующему поколениям руководителей КНР придется скорее озаботиться решением серьезных внутренних проблем — экологических, климатических, социальных. Необходимо перенастраивать экономику с экстенсивного на интенсивный путь развития, переориентировать ее с экспортной модели на модель внутреннего потребления.

С учетом этого логичен вывод, что даже фундаментальные и трудно устранимые разногласия между КНР и США — идеологемные различия по проблемам демократии, прав человека или соперничество в сфере потребления энергоресурсов — вряд ли спровоцируют резкую силовую конфронтацию между ними. Представляется, что и при урегулировании наиболее острых политико-стратегических противоречий по вопросам Тайваня, Корейского полуострова и Южно-Китайского моря стороны «не перейдут Рубикона», отделяющего перманентный, но тлеющий конфликт от военного противостояния.

Что касается будущего мироустройства, то предложенная Ху Цзиньтао формула «гармоничного мира» выглядит, на первый взгляд, привлекательно. Однако вопрос в том, насколько в нее вписываются цели и интересы США и каковы будут практические шаги Китая по ее воплощению в жизнь.

Д. ДРЕЙЕР. Между США и КНР будет сохраняться высокая степень взаимозависимости. Столь большой объем долговых обязательств США, находящихся в руках Китая, ставит КНР и США в одинаково уязвимое положение. Аналогичной экономической взаимозависимости нет и, по всей видимости, не будет в отношениях между США и Россией. Хотя у США и России имеется общая заинтересованность в переговорах о контроле над вооружениями, она не компенсирует отсутствие глубокой основы их торговых отношений. Однако, китайско-российские экономические отношения играют важную роль для обеих стран. Они создают для Китая преимущество в «треугольных» отношениях, ибо его торговые связи с Россией и США более прочны, чем торговые связи между США и Россией. Поэтому Китай находится в более выгодной позиции, позволяющей ему играть на американо-российских противоречиях более успешно, чем Россия или США могут использовать друг друга в качестве противовеса подъему Китая. При сохранении этих факторов отношения между тремя державами будут тяготеть к асимметричности.

Э. МИЛЛЕР. В силу трений между Пекином и Вашингтоном по поводу региональных и двусторонних проблем их отношения будут носить неровный, «ухабистый» характер, но эти неровности будут сглаживаться глубокой экономической взаимозависимостью и общей заинтересованностью в сохранении стабильности. Вот уже 13 лет Пекин и Вашингтон демонстрируют осторожный подход к наиболее опасной проблеме — тайваньской.

Э. ВОГЕЛЬ. Все это создает больше возможностей для наращивания сотрудничества.

2. Прогнозы взаимоотношений в формате КНР—США—РФ: станет ли «треугольник» «триумvirатом»?

Г. МУР. Прогнозы — опасное занятие для ученых и разработчиков политики (как и предвыборные обещания для политиков — всем нам приходится держать отчет!). Однако если разделяемые нами теории имеют хоть какие-то достоинства, в нашем ремесле без прогнозов не обойтись. Как наблюдатель международных отношений я являюсь конструктивистом — то есть, сторонником научного реализма¹, имея в виду, что наш мир формируют как материальные, так и нематериальные факторы, и в любом добросовестном исследовании необходимо учитывать и те, и другие, а также формы их взаимодействия. Реалисты специализируются на изучении материального, а конструктивисты уделяют особое внимание процессу структуризации (взаимного построения) не только между агентом и структурой, но и между материальными и нематериальными (или социальными и воображаемыми) факторами. Будучи державой, растущей по трем направлениям, Китай, несомненно, является важнейшим новым переменным фактором, находящимся в состоянии изменений. По мере дальнейшего неизбежного роста материальных возможностей Китая, он (как правильно указывают реалисты) обретет способность делать больше, чем в настоящее время. Это имеет значение в международных отношениях. Однако, нам пока неизвестно, какие желания возникнут у Китая (другими словами, его намерения)², какой страной он в конечном итоге станет (тип режима), какие внутривнутриполитические тенденции/движения появятся в Китае в результате происходящих там глубинных экономических изменений (т.е. социальные и внутривнутриполитические факторы), как китайский народ и/или китайское руководство будет воспринимать себя и свою роль в мире (идентичность), или частью какого мира окажется Китай (т.е. глобальные и региональные социально-материальные структуры). Все эти факторы не менее, а возможно, и более важны, чем материальные возможности Китая как таковые.

В попытках понять динамику отношений между тремя державами мы обращаем внимание на ряд заметных факторов. Представляется, что весьма важную роль играют внутривнутриполитические тенденции в Китае и России. Какие режимы сформируются в этих странах? Если они будут продвигаться к демократии, повысятся шансы на появление триумvirата. Если же Китай или Россия (либо и Китай, и Россия) останутся авторитарными странами, напряженность между ними и США (и, по-видимому, между ними самими) станет более вероятной, и в этом случае, скорее всего, в их отношениях возобладает «треугольная» динамика, или динамика «по Хоббсу». Немаловажную роль играют курс развития и судьба мировой экономики, ибо в ситуации кризиса и дефицита отношения между любыми контрагентами становятся гораздо менее гладкими, чем в период стабильности и изобилия. Серьезное значение будет иметь также способность трех стран (особенно Китая и России) держать под контролем национализм. Китай и Россия все еще находятся на разных стадиях перехода от экономики централизованного планирования и исторически более жестких типов «коммунистического режима» к более бюрократически-авторитарному и/или авторитарно-рыночному типу, и оба режима, стремясь укрепить легитимность руководства, прочно внедрили в сознание своих народов чувство национализма. Такой подход, разумеется, имеет смысл в краткосрочной перспективе, но в более долговременном плане он может стать весьма рискованным — в частности, по той причине, что определяется способностью данных стран и их народов жить в ладу со своими соседями. Интенсивное культивирование национализма повышает напряженность и риски, усиливая разграничение по принципу «мы» — «они», которое увеличивает

1. See: *Wendt A. Social Theory of International Politics*. Cambridge; New York. 1999.

2. *Legro J. What China Will Want: The Future Intentions of a Rising Power. Perspectives on Politics*. 2007 Sept.

вероятность таких явлений как фундаментально ошибочный поиск виноватых¹, и в то же время оставляет меньше возможностей для компромисса в случае конфликта.

Кроме того, большое значение будут иметь тенденции в США, которые по-прежнему обладают всеобъемлющими силовыми преимуществами. Если США вернуться к исторически более характерной для них либеральной интернационалистической внешней политике (в противовес одностороннему вмешательству, продемонстрированному при Буше-младшем), это будет хорошим предзнаменованием для всех трех стран. Если же США, руководствуясь мотивировками, исходящими слева или справа, в своей внешней политике вновь станут двигаться более интервенционистским, проактивным курсом, то они тем самым осложнят и затруднят отношения между тремя странами. Более агрессивная позиция США повышает вероятность стратегического сближения России и Китая, но это предполагает способность Пекина и Москвы отодвинуть на задний план множество своих разногласий и сомнений, что отнюдь не бесспорно.

Точно так же, повышение агрессивности Китая осложнит дела в трехсторонних отношениях и может сблизить США и Россию подобно тому, как США и Китай сблизились в 1970-х и 1980-х гг. Разумеется, такой сценарий — кошмар для Китая, и потому он будет действовать осторожно, дабы не спровоцировать его реализацию. Аналогичным образом, более агрессивное поведение России может сблизить Китай и США, как это уже было при Никсоне и Киссинджере. Подобный поворот, однако, предполагает отход от давней напряженности в китайско-американских отношениях в связи с такими проблемами, как Тайвань, Корейский полуостров, торгово-финансовые разногласия, и т.п., весь комплекс которых повышает порог сотрудничества (то есть, ситуация будет намного сложнее до того, как Китай и США смогут отложить свои противоречия и перейти к сотрудничеству в том или ином вопросе.

В заключение представляется уместным обратить внимание на два момента. Во-первых, согласно данным торговой статистики, в настоящее время Китай и США имеют гораздо больше общего и намного больше заинтересованы друг в друге, чем Россия и Китай: в 2010 г. объем китайско-американской торговли составил 385,3 млрд долл., а китайско-российской — 55,4 млрд долл.².

Следовательно, хотя помимо этого обстоятельства сторонам приходится учитывать и множество других переменных факторов, данная материальная «связка» очень важна и блокирует любые серьезные события, которые могли бы «вбить клин» между США и Китаем (хотя подобные события отнюдь не невозможны). Именно поэтому Китай не предпринимает и в недалеком будущем едва ли станет предпринимать какие-либо совместные действия с Россией, направленные на создание противовеса США.

Во-вторых, я не считаю, что «треугольник» (двое против одного) или «триумvirат» (единение всех троих) есть единственные или наиболее вероятные варианты отношений между Китаем, Россией и США. Следует рассматривать и вполне возможные трехсторонние сценарии «по Локку» (соперники, но не враги) или «по Хоббсу» (враги)³.

В настоящее время, в соответствии со схемой Вендта, три государства сообща практикуют конкурентную культуру взаимоотношений (о которой говорил Локк) — то есть, между ними имеются какие-то конфликты, какие-то разногласия, и они рассматри-

1. Имеется в виду свойственная всем нам тенденция оставлять за собой (своей группой) право на сомнения, но приписывать злонамеренные планы внешним группам / другим, когда дела идут на перекося, а источники неудач точно не известны.

2. This data is taken from the Customs Administration of the People's Republic of China, as of October 2011.

3. This refers to Wendt's three cultures of anarchy: Hobbes/enemy, Locke/rival, and Kant/friend (Wendt, 1999).

вают друг друга в качестве соперников, а не друзей. Это, возможно, далеко от идеала, но все-таки предпочтительнее, чем разделы и хождения по кругу в период «холодной войны», которые отравляли жизнь трех стран с 1917 г., как минимум, до 1991 г.

Глобальная система и региональная система Северо-Восточной Азии — это сложные и многомерные переменные факторы, формирующие поведение трех государств на всех трех уровнях анализа — индивидуальном, государственном и системном. Именно с анализа и оценки переменных факторов, играющих наиболее заметную роль в формировании поведения трех наиболее важных государств в Северо-Восточной Азии и, возможно, в мире следует начать работу, направленную на избежание конфликта и совершенствование сотрудничества между ними.

С. ТРУШ. Аргументы, отрицающие значимость «треугольника», особенно при понимании таких отношений как отношений, преимущественно в сфере безопасности, отнюдь не означают, что в современных связях США, КНР и России вообще нет места «трехсторонности». Такая «трехсторонность», под которой подразумевается чуткое реагирование одного из контрагентов на процессы и отношения между двумя другими, — без ярко выраженной «коалиционности», розыгрыша одного партнера против другого — вытекает из сути международного общения. Более того, эта «трехсторонность», в отличие от «треугольности» объективно усиливается, поскольку глобализация, интенсификация международного общения, стирание межгосударственных границ для коммуникации объективно порождают взаимозависимость не только по линии «центр — периферия», но и непосредственно между «центрами силы».

Недавняя идея китайско — американской «большой двойки» при всей ее иллюзорности, слабой проработанности, была симптоматичной. Она появилась не только как креативный компонент внешнеполитической программы Б. Обамы, но и как очевидное проявление «ревности» Белого дома в связи с нарастанием российско—китайского «братства». Элементы этой ревности очевидны даже в деталях. В подходе Б. Обамы к Китаю с самых первых шагов было заявлено явное стремление соперничать с Россией в «мягкой силе» на китайской площадке. Многие из озвученных нынешним президентом США инициатив в адрес КНР явно навеяны аналогами в китайско-российских отношениях (Год России в Китае, Год русского языка в КНР). Так, в ходе первого госвизита Б. Обамы в Китай в 2009 г. было объявлено о перспективной программе научных, культурных и деловых обменов с КНР, ориентирующихся на присутствие в Китае 100 тыс. американцев.

Сходным образом успехи экономического взаимодействия Китая с Америкой, почти полутриллионный товарооборот психологически давят на Россию. В силу этого Москва гораздо сильнее своего китайского партнера по доверительному сотрудничеству озабочена провисанием своей торговли с ним, ее архаичной структурой. Причем оргвыводы, которые делаются из данного факта московской бюрократией, пока также не убеждают глубиной проработки, мало коррелируются с глубинным российским интересом. Озвученные в ходе последнего (ноябрь 2011 г.) визита В.В.Путина в КНР планы довести оборот торговли до 200 млрд долл. к концу десятилетия, если и будут достигнуты, то скорее всего за счет российской энергосоставляющей и китайского экспорта, не оздоровив существующие для Москвы дисбалансы. В экспертных кругах резонно отмечают, что искусственная «накачка» товарооборота в условиях разнотемпных экономик РФ и КНР на руку, в первую очередь, китайской мировой «фабрике»¹.

Китайские мотивы для стратегической ревности к Москве также существуют. Китай с настороженностью следит за диалогом Россия — НАТО, его резонно нервируют хотя и малопродуктивные к настоящему времени проекты РФ по совместным с НАТО и США программам ПРО. Китай с напряжением наблюдает за взаимодействием РФ, США

1. Первым об этом в ряде своих интервью говорил российский китаевед А.Н. Карнеев.

и НАТО по логистике, транспортировке грузов и борьбе с наркотрафиком в Афганистане. Внутри китайской элиты много и других сомнений: действительно ли уходит в прошлое «однополярность» или США справятся с временным ослаблением; какова глубина финансово-экономического кризиса в западном мире; уйдет ли Россия из тесного взаимодействия с КНР, «сдвинется» ли в сторону Запада; применим ли марксистский метод для анализа современной международной действительности.

Весьма показательным и пока неутешительным является то, что в экспертных сообществах США, КНР и РФ слабо прорабатываются и обсуждаются «позитивные» проекты трехсторонних отношений, основанные на увязке и сочетании объективных интересов всех трех государств. Для России такая увязка особенно важна, в частности, в проблематике подключения ее в экономическое пространство АТР. Дело в том, что в этом регионе Россия может реально столкнуться с необходимостью выбора из двух потенциальных интеграционных форматов. Центровыми государствами одного из таких формирований может стать КНР на базе соглашений "АСЕАН — Китай" и "АСЕАН плюс", а другого — США на базе активно продвигаемого в последнее время формата Транстихоокеанского партнерства (ТТП)¹. Перспектива такого «двухъядерного», по сути блокового интеграционного сценария в АТР в корне противоречила бы интересам России. Эти интересы, если говорить о главном, заключаются в многостороннем, не сдерживаемом никакими блоковыми ограничителями инвестиционном участии главных акторов региона в программах развития Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Иными словами, в этом сюжете, и не только в нём, Россия кровно заинтересована в преодолении «треугольных» концептов прошлого.

Э. МИЛЛЕР. Представляется едва ли возможным формирование нового «треугольника» КНР—США—Россия — будь то «треугольник» стратегической конкуренции или стратегического сотрудничества. Начиная с 1991 г., Пекин и Москва сообщают сопротивление гегемонистской мощи США — отсюда и их «стратегическое партнерство» 1996 г. и российско-китайский Договор 2001 г. Возникали и сопутствующие договоренности о сотрудничестве — например, с Берлином и Парижем, призванные обуздать амбиции США, направленные против Ирака под властью Саддама. Нынешние экономические трудности США могут означать относительное сокращение американской мощи, но в перспективе будут возникать меняющиеся по составу коалиции в полицентричных форматах, среди центров которых мы увидим не только Вашингтон, Москву и Пекин, но и Дели, ЕС, Токио, Бразилию и Анкару.

А. ЛАРИН. За то время, пока отношения США с Китаем и Россией развивались в негативном ключе, Россия и Китай в отношениях друг с другом сумели достичь многого: они урегулировали вопрос о границе, подписали в 2001 г. базовый документ — Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, выстроили эффективный механизм многоуровневых и многозвенных консультаций, вплоть до регулярных встреч высших руководителей двух государств. Успешно развиваются торгово-экономические отношения, постепенно восходящие от простого торгового обмена к совместным инвестиционным проектам и инновационным разработкам. Правда, структура торговли, в которой современная техника уже перемещается преимущественно не из России в Китай, а в противоположном направлении, не удовлетворяет российскую сторону, однако, такая ситуация логически вытекает из особенностей развития российской экономики.

Российско-китайское стратегическое партнерство сложилось под воздействием глубинных интересов сторон. Прежде всего, это потребность обоих партнеров в ста-

1. В состав ТТП на конец 2011 г. входят США, Чили, Новая Зеландия, Сингапур, Бруней. Переговоры о вступлении ведут Австралия, Малайзия, Вьетнам, Перу. Планы подключения к ТТП, находящиеся в разной степени проработанности, уже озвучили Канада, Мексика, Япония.

бильном мирном окружении — необходимом условии для решения жизненно важных внутренних задач, требующих мобилизации всех национальных сил. Далее, это высокая степень взаимной дополняемости экономических потребностей сторон и, наконец, необходимость для обоих государств противостоять усиливающемуся американскому диктату. Последнее обстоятельство вместе со сходством потребностей догоняющего развития России и Китая обуславливает совпадение их принципиальных подходов к ключевым вопросам мировой политики.

Благодаря общности коренных интересов российско-китайское стратегическое партнерство отличают стабильность и предсказуемость, несмотря на наличие ряда противоречий, неизбежное в любых межгосударственных отношениях. В их число входят естественные споры относительно цен, прежде всего на энергоресурсы; выход Китая на лидирующие позиции в экономических отношениях с постсоветскими республиками Центральной Азии, где он, опередив Запад, нарушил прежнюю монополию России на вывоз углеводородов; конкуренция в некоторых видах продукции (стальной прокат, стройматериалы и др.). Различные идеи строительства трансазиатского пути из Китая в Европу означают, что у Транссибирской магистрали может появиться мощный конкурент. Уже несколько лет Китай выступает с предложением о введении свободного обмена товарами и услугами, что неприемлемо для России ввиду заведомого неравенства партнеров.

Отдельно следует сказать о том, что на фоне растущего «весового» превосходства Китая в российском обществе существует озабоченность перспективой отдаления находящейся в упадке дальневосточной части страны от общенационального экономического пространства. Однако, в силу характера российско-китайских отношений из них исключены силовой нажим, создание военных угроз, окружение военными базами и т.д. Стороны рассматривают свои отношения, давшие им нелегким опытом, как величайшую ценность и заботятся об их сохранении.

Все сказанное выше однозначно определяет место России в «стратегическом треугольнике». Независимо от степени ее близости к тому или иному из его участников, оно обусловлено принципами «самостоятельной и конструктивной» политики — формулой, закреплённой в Концепции внешней политики РФ — не допускающей превращения страны в «асимметричного», т.е. ведомого партнера при какой-либо державе даже при том, что российская экономика основана на сырьевом экспорте.

В настоящее время «стратегический треугольник» представляет собой устойчивую конструкцию, плавно эволюционирующую в зависимости от изменения баланса сил. Вследствие отсутствия в «треугольнике» антагонизмов, характерных для периода «холодной войны», и высокой степени зависимости всех троих друг от друга в нем невозможны ни разыгрывание какой-либо «карты» против третьей стороны, ни конкуренция двух участников за благосклонность третьего. Попытка любой из двух ведущих держав настроить Россию против другой заведомо безрезультатна. Поэтому единственное, что предпринимается в данном плане с американской стороны — это выступления специалистов, публицистов и т.д. с целью привлечь внимание общественности к «китайской угрозе» России. Российские деятели с прозападными взглядами повторяют их доводы. Китайские специалисты не остаются в долгу, просвещая публику относительно опасностей, какие несет России американский гегемонизм. (В опросе, проведенном Фондом общественного мнения в 2011 г., 26% респондентов назвали врагом России США и 13% — Китай).

Невозможны в «треугольнике» и альянсы двух против третьего, даже неформальные и даже между такими близкими партнерами, как Россия и Китай: это чревато обострением их отношений с Западом — источником необходимых им технологий. Кроме того, для России как более слабого участника альянса это было бы сопряжено с риском оказаться в фарватере чужой политики.

Проблема «стратегического треугольника» для России заключается теперь не в выборе оптимальной дистанции относительно каждой из двух держав, а в создании внутри страны благоприятного инвестиционного климата и, вообще, такой обстановки, которая позволила бы в максимальной мере использовать сотрудничество с ними в интересах развития. При наличии таких условий гораздо более плодотворными, чем сегодня, будут экономические отношения не только с Китаем, уже давно призывающим Россию к соразвитию, но и с США.

Д. ДРЕЙЕР. Появление «триумvirата» вызвало бы у меня шок, ибо между этими тремя государствами существуют значительные различия во взглядах и глубоко укоренившееся чувство соперничества наряду с фундаментальными основаниями для сотрудничества. Напряженность можно проследить в неприязненной реакции Пекина на российское вторжение в Грузию, объясняемой тем, что он опасается создания прецедента для внешнего вмешательства в дела КНР. Россия и Китай с подозрительностью относятся к деятельности друг друга в Центральной Азии, и в России весьма чувствительно воспринимают китайскую иммиграцию на российский Дальний Восток.

Что касается США, то китайское руководство крайне недовольно американскими предложениями об урегулировании споров по соответствующим участкам Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей посредством многосторонних переговоров. Китай испытывает непреходящий страх оказаться окруженным коалицией государств во главе с США. Далее, Пекин не разделяет ни озабоченность Вашингтона по поводу ядерного распространения в Иране, ни предлагаемый со стороны США сценарий решения проблемы Северной Кореи. Кроме того, Пекин и Вашингтон занимают диаметрально противоположные позиции по таким вопросам, как котировка китайской валюты, сохраняющийся в пользу КНР торговый дисбаланс и права человека. В то же время заинтересованность России в сохранении своего влияния в ближнем зарубежье идет вразрез со стремлением США установить и защищать демократию в этих странах и включить их в НАТО, созданное для сдерживания СССР.

Поэтому три страны будут не формировать «триумvirат», а преследовать свои интересы и сотрудничать в тех случаях, когда они совпадают. В случаях их расхождения они едва ли будут корректировать свою политику в целях координации, хотя от каждой из них следует ожидать частых красноречивых заявлений о необходимости сохранения международной стабильности.

Нам, однако, не следует исходить из треугольной конфигурации сил. Изначально в отношениях трех стран действовали направленные силы — как, например, в период советско-китайских разногласий, когда каждая из двух стран стремилась перетянуть на свою сторону Японию. В то время, к примеру, Пекин поддерживал права Японии на удерживаемые Советским Союзом Курильские острова и высказывал свое одобрение американо-японского договора о взаимной безопасности. После улучшения советско-китайских отношений выражения поддержки по каждому из этих вопросов сразу прекратились.

Если Индия и/или Бразилия сохраняют свои нынешние темпы роста (что не есть само собой разумеющееся ни для них, ни для какой-либо другой страны), то «треугольник» может превратиться в четырехугольник или пятиугольник. Сейчас это представляется маловероятным, но Японии, возможно, удастся вылезти из трясины, в которой она находится уже два десятка лет, и начать движение к более сильной и независимой позиции. Что касается Европейского Союза, чрезмерно расширившего свою политическую орбиту и превысившего собственные экономические возможности, то остается все меньше оснований предполагать вероятность углубления его интеграции до такой степени, чтобы Европа могла выступать в качестве единого субъекта. Африка и Латинская Америка также едва ли сумеют обрести подобную возможность.

В. ТРИФОНОВ. Свой вклад в утверждение рационального миропорядка, стабильной и безопасной обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе могли бы внести три наши страны — Россия, США, Китай, их трехстороннее взаимодействие. Каждая из них имеет свои немалые возможности для того, чтобы сделать нынешний мир более безопасным и стабильным, помочь в решении тех огромных экономических и политических проблем, которые накопились в последние десятилетия. О мощи и влиянии Соединенных Штатов говорить не приходится. Сильный рывок в своем развитии совершил Китай, выйдя на второе место в мире по размерам экономики и укрепив свой статус одной из крупнейших мировых держав. Все увереннее восстанавливает свои позиции Россия. Наша страна располагает огромной территорией, уникальными природными ресурсами, великой культурой и наукой, мощным стратегическим и военным потенциалом.

В связи с вышесказанным было бы, очевидно, полезным наладить трехсторонний диалог между нашими странами для обсуждения затрагивающих «треугольник» проблем, согласования позиций сторон, устранения имеющихся недопониманий.

Л. ДИТТМЕР. Нереально ни то, ни другое. Сотрудничество между любыми двумя сторонами этой конструкции носит слишком ограниченный характер, чтобы угрожать третьей «парии» в треугольной «семье», а в силу ограниченности двустороннего соперничества оно может создать выгоды для третьей стороны романтического «треугольника». «Триумвират», подобный триумвирату Цезарь — Красс — Помпей, подразумевает, что все три стороны занимают командную позицию на международной арене, продвижение к которой политически нереально. Мне видится более многосторонняя модель. При сохранении нынешних тенденций роста развивающиеся страны станут превалировать над развитыми и потребуют передела добычи.

А. БОЛЯТКО. В перспективе ситуацию может изменить резкий рост материальной военной силы (в том числе и ядерной) исламского радикального милитаризма.

Паритета Китая, да и России с США в военном отношении нет и не будет в перспективе в силу значительного отрыва США в научно-техническом и военно-техническом отношениях и опережения в военно-промышленной области. Другое дело, что накопленный на берегах Тихого океана арсенал ядерного и обычного оружия делает бессмысленным достижение разумных политических целей путем широкомасштабного применения вооруженной силы любой из сторон.

Поэтому нельзя говорить о каком-либо достойном равноправном сотрудничестве трех стран в военной области, а тем более о «триумвирате». Некоторое усиление сотрудничества (по примеру сотрудничества антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне) возможно лишь в целях отпора воинствующему исламу, что в ближайшем будущем маловероятно.

В силу изложенного выше возможно лишь построение отношений в экономической области, где «треугольник» (а, тем более, «триумвират») при условии сохранения нынешних тенденций превращается в господство американско-китайских экономических отношений.

Происходит переход к стратегическим отношениям без опоры на ядерное оружие. Осуществляется своего рода отделение политики от экономики, деполитизация как китайско-американских, так и российско-американских отношений.

США сейчас намного сильнее любой другой страны. Противостоять им в военно-техническом отношении бессмысленно, а в научно-технической и экономической областях малоперспективно, если не использовать какие либо новые подходы. В силу этого идея о «треугольнике», так же как и подброшенная американцами пару лет назад концепция парного союза Китая и Америки, представляется нежизненной.

По существу, США продолжают начатый после Второй мировой войны курс на максимальную глобальную экспансию в основном экономическими методами. Они дей-

ствуют под прикрытием господства своих вооруженных сил и военно-промышленного комплекса, а также верных союзников во всех регионах мира (Великобритания, Канада, Япония, Южная Корея, Австралия и др.)

Вполне очевидно, что в перспективе Китай и США — это два главных субъекта международных отношений. России необходимы нормальные мирные и равноправные отношения и с Китаем, и с Америкой, сохраняя при этом полную самостоятельность и независимость, что исключает возможность заключения союзов с одним из этих партнеров против другого. Россия должна вести себя на международной арене так, чтобы, обеспечивая свои интересы, в то же время быть необходимой и для Китая, и для Америки. В перспективе могут возникнуть условия для создания механизма трехстороннего российско-китайско-американского сотрудничества.

Для того, чтобы достойно сотрудничать с двумя главными субъектами международных отношений, России необходимо укрепить экономически. Это предполагает перестройку подготовки кадров для научно-промышленного комплекса, устранение зависимости экономики от нефтяной иглы, выход на передовые позиции в ведущих направлениях научно-технического и технологического прогресса. Для этого может потребоваться несколько десятилетий.

Э. ВОГЕЛЬ. Не будет ни того, ни другого — Япония и Южная Корея тоже весьма сильны, к тому же сохраняются серьезные противоречия в национальных интересах.

А. КРУШИНСКИЙ. Внутри «треугольника» возможны альянсы на двусторонней основе; «триумvirат» вряд ли возможен, поскольку стратегические устремления сторон диаметрально противоположны: цель США — не допустить возрождения биполярного мироустройства, цель Китая — воспрепятствовать упрочению односторонней гегемонии США (что без содействия России вряд ли осуществимо), цель последней — как минимум, возродить былой престиж.

А. ДАВЫДОВ. Хотя по признанию Председателя КНР Ху Цзиньтао, «значимость влияния китайско-американских отношений выходит за рамки их двустороннего формата», и, определяя вектор своих взаимоотношений с США и Китаем, этой реальностью, очевидно, предстоит руководствоваться и России. У нее, тем не менее, должна быть в этом вопросе самостоятельная, четко выверенная и одновременно гибкая и прагматичная позиция.

Примечательно, что в экспертных кругах КНР еще не так давно, в первые месяцы пребывания администрации Б. Обамы в Белом доме, высказывалось мнение, что модель мира, где США вместе с кем-то «правят бал», связана с их желанием, чтобы «кто-то оплачивал их счета», и правильнее было бы говорить не о «двойке» (КНР—США), а о «тройке» (КНР—США—РФ), причем не в формате «треугольника», предполагающего в силу наличия углов определенную взаимонацеленность отношений двух против третьего, а о равностороннем построении, некоем «триумvirате».

Эту идею в то время всецело поддержал министр иностранных дел РФ С. Лавров, который в интервью, опубликованном в № 5 журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 2009 г., подчеркнул, что «тройка» — именно тот формат, который может способствовать «сопряжению подходов трех стран к обеспечению международной и региональной безопасности, к дальнейшему развитию между ними разностороннего сотрудничества».

Тогда, на фоне объявленной «перезагрузки» отношений России и США и намечавшегося американцами т.н. «нового курса» во взаимодействии с Китаем это поначалу не выглядело иллюзорным.

Проблема, по существу, заключалась в том, сможет ли Россия стать третьей полноценной стороной в этом «триумvirате». прежде всего, по экономическим критериям, где ее отставание от двух других держав было наиболее явным.

К сожалению, полноценной «перезагрузки» в российско-американских взаимоотношениях реально не произошло, а «новый курс» США на китайском направлении в итоге свелся к их попытке «пристегнуть» к себе КНР в роли «младшего партнера» через форматы «кимерики» и «большой двойки».

Все дальнейшие перипетии в отношениях США с обеими странами на протяжении последних двух с половиной лет — противоречия и конфликты с Китаем по целому ряду торгово-экономических и политико-стратегических проблем, их соперничество за влияние в АТР и на глобальном уровне, отказ России в учете ее интересов при осуществлении планов по ПРО, регулярные попытки Америки, по меткому выражению В. Путина, «заниматься политической инженерией в регионах традиционно важных для нас, да и по ходу избирательных кампаний в России» и многое другое — подводят к выводу о том, что американцы не только продолжают пребывать в созданном ими самими иллюзорном мире навязчивых стереотипов и фобий, но, несмотря на произносимые по разным поводам красивые слова о демократии и справедливости, нисколько не сомневаются в собственной исключительности и «богоизбранности», которые якобы дают им право диктовать другим странам «правильные» с точки зрения США стандарты и шаблоны, по которым тем необходимо строить свою жизнь.

Именно такая «богоизбранность», по глубокому убеждению американцев, должна оправдывать в глазах других их неукротимое стремление торить свой путь к глобальной гегемонии в облинии однополюсности, что на практике реализуется ими в силовых акциях по захвату Ирака, разжиганию конфликтов на Ближнем Востоке, подстегиванию антигосударственных мятежей в ряде арабских стран, включая Ливию и Сирию, и, наконец, — в т.н. «возвращении в АТР», где Америка узрела реальную угрозу своим геополитическим планам в лице экономически окрепшего и стратегически усилившегося Китая.

В конечном итоге, конфликт в Южно-Китайском море, который на уровне региона позиционируется как отстаивание его странами-участницами своих экономических прав и стратегических интересов, в формате противостояния двух ведущих мировых держав есть, прежде всего, стремление одной из них окончательно укорениться в тихоокеанской Азии, безоговорочно включив ее в качестве опорного бастиона искомой ею монополярности в сферу собственного влияния, в противоборстве с попытками другой всячески сопротивляться и препятствовать такому развитию событий.

С учетом изложенного выше нецелесообразно и неуместно вести сегодня речь о каком-либо полноформатном «триумvirате», но роль и важность России во взаимоотношениях трех держав не становится от этого менее существенной и значимой.

Исходя из контурных набросков будущего внешнеполитического курса России, намеченного в одной из предвыборных программных статей ее следующего президента В. Путина, наша страна будет, безусловно, стремиться к стабилизации отношений с Западом, включая США, но при этом «ориентироваться на Восток». Из статьи Путина четко явствует, что развивающиеся уже на протяжении многих лет в здоровом направлении российско-китайские отношения будут и впредь стабильно продвигаться вперед.

Россию не пугает и ей не угрожает стремительный рост китайской экономики. Наоборот, она рассматривает его как «колоссальный потенциал делового сотрудничества», как возможный шанс для хозяйственного подъема Сибири и своих дальневосточных регионов.

России импонирует, по утверждению Путина, и то, что в отличие от США поведение Китая на мировой арене «не дает повода говорить о его претензиях на доминирование». КНР разделяет ее видение формирующегося равноправного миропорядка, многие позиции по острым международным и региональным проблемам, что позволяет наращивать российско-китайское взаимодействие в различных международных организациях и

многосторонних форматах (недавним примером такого взаимодействия стало консолидированное veto РФ и Китая на резолюцию Совета Безопасности ООН по Сирии).

И, наконец, у России и КНР, как отмечает Путин, «закрыты все крупные политические вопросы в отношениях», включая пограничный. Выстроен прочный, оформленный юридически механизм двусторонних связей, развивается сотрудничество в сферах энергетики, высоких технологий, в межрегиональных и других областях, совершенствуется структура торговли, стабильно растут взаимные инвестиции. Объем российско-китайского товарооборота в 2011 г. превысил 80 млрд долл. США, и Китай второй год подряд стал нашим крупнейшим торговым партнером. Налажены и интенсивно развиваются различные гуманитарные обмены.

Все это дает основание предполагать, что, базируясь на общих стратегических интересах и реальных взаимных потребностях, российско-китайские отношения будут иметь прочный фундамент и благоприятные перспективы для дальнейшего развития.

С другой стороны, инициативные попытки России наладить в свое время подлинно партнерские отношения с США не увенчались успехом, натолкнувшись на менторское высокомерие Америки, посчитавшей, что Россия не годится ей в равноправные партнеры и должна сделать выбор между ролью ее саттелита, либо врага.

Это еще одна причина, по которой узы, связующие сегодня Россию и Китай, по своей прочности несравнимы с российско-американскими взаимосвязями. В любом случае, качество отношений между РФ и США, уступающее сегодня отношениям Китая и России, всецело зависит от настроений в Вашингтоне.

Что касается трехстороннего формата, то в условиях, когда главенствующей сферой отношений между Россией и США являются стратегическая стабильность и военный паритет, но в них отсутствует весомый экономический фундамент, в то время как в китайско-американском сотрудничестве доминирует как раз экономический фактор, вычленив общую составляющую троякоотношений довольно трудно.

Тем не менее, и в этой ситуации существуют основы для взаимодействия: перспектива диалога в области сокращения ядерных арсеналов и сотрудничества в нераспространении ОМУ, решение других стратегических глобальных проблем. Кроме того, на повестке дня остаются вопросы глобального изменения климата, сохранения безопасности и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и целый ряд других.

Известно, что США активно практикуют ныне организацию различных региональных многоуровневых систем взаимодействия. Поэтому существует вероятность, что на фоне наблюдаемого американо-китайского соперничества за региональное и мировое влияние Америка и Запад в целом захотят заручиться в нем российской поддержкой. Того же у России может попросить Китай. В этой ситуации России важно не дать втянуть себя в такое противоборство и оказаться в результате в буквальном смысле «между молотом и наковальней».

Прежде всего, недопустимы действия, которые могут нанести ущерб ее отношениям с Китаем, но и выстраивать с ним силовые альянсы, бросая вызов США, было бы нерационально. Возможно, целесообразной и актуальной могла бы быть трехсторонняя встреча на самых высоких уровнях с целью нахождения моделей урегулирования возникающих между тремя странами противоречий и расхождений.

В любом случае, России предпочтительнее искать выход на пути открытого равнонаправленного диалога с обеими сторонами, развивая партнерские отношения с США и поддерживая стратегическое взаимодействие с КНР.